

Секция 22
**«Региональные географические
исследования»**

Содержание

Ахметов Р.Ш. Современные подходы к экономической оценке земли как комплексного пространственного ресурса.....	3
Бубнова Е.А. Территориальная дифференциация обеспеченности населения Оренбургской области услугами системы здравоохранения.....	8
Герасименко Т.И. Теория и практика культурно-географического районирования.....	14
Любичанковский А.В. Роль культурного наследия в развитии регионов.....	27
Попова О.Б. Система региональных геоэкологических методов оценки и прогнозирования тепловых ресурсов.....	34
Русинова М.П. Географические исследования Урала во второй половине 19 века.....	38
Смирных А. Г. О значении и возможностях склоновых террасных ландшафтов в практике Северного виноградарства (на примере г. Бузулука)	41
Трофимова И.В. Сельское расселение: проблема анализа, прогноза и управления.....	48
Юрина С.В. Влияние циркуляционных условий на аномалии температуры воздуха и количество осадков.....	52

Ахметов Р.Ш. Современные подходы к экономической оценке земли как комплексного пространственного ресурса

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Создание механизма рыночной экономической оценки земельных ресурсов и адекватной платы за землепользование является актуальной задачей не только с точки зрения пополнения бюджета, но и в качестве инструмента эффективной территориальной организации общества. Чем больше соответствует плата за пользование землей величине ее дифференциальной ренты, тем более структурированным становится землепользование, поляризуются различные его виды и тем естественнее среди других видов землепользования находят свое место различные виды заповедания территории и охраны ландшафта. Такая поляризация хозяйственной и природоохранной деятельности облегчит задачу создания экологического каркаса территории.

Заниженная и неадекватная ее реальной ценности плата за землю, существующая в настоящее время, в значительной мере определяет низкий уровень территориального разделения труда и специализации в сельском хозяйстве, приводит к чрезмерной площади пашни и вообще сельхозугодий. Поучителен в этом смысле пример Западной Европы, где более эффективные экономические механизмы землепользования, привели в последние десятилетия к устойчивому сокращению площади сельхозугодий при одновременном росте производства сельхозпродукции и увеличению площади лесов.

Названная выше причина определяет в нашей стране и неэффективную организацию городской территории, когда в центре располагаются районы индивидуальной застройки с садово-огородными участками, а многоэтажная застройка вытесняется на окраины. Это ведет к удорожанию городской инфраструктуры, увеличению затрат времени на транспорт и т.п.

Идея необходимости коренного поворота в сторону рационального, бережного отношения к использованию земельных ресурсов хотя и крайне медленно, но находит распространение в общественном сознании. Однако в действующих и предлагаемых механизмах экономической оценки земельных ресурсов недооценивается один весьма существенный, по нашему мнению, фактор. Его недооценка присуща и широкому общественному мнению, и господствует в умах тех, кто принимает решения в области природопользования.

Под рациональным использованием земельных ресурсов понимается обычно неистощающая, противостоящая процессам эрозии и обеднения почв их эксплуатация. Однако не менее важным, по нашему мнению, аспектом рационального землепользования является минимизация площадей, вовлекаемых в хозяйственный оборот земельных ресурсов. Игнорирование последнего, как неотъемлемой части оптимизации землепользования, является следствием господствующей не только среди практиков, но и части научной общественности гипертрофии восприятия земельных ресурсов исключительно

как агроэкономического ресурса. Это проявляет себя, в частности, в широком распространении фактического отождествления и подмены понятия «земельные ресурсы» почвенными ресурсами или сельскохозяйственными ресурсами. На самом деле земельные ресурсы представляют собой комплексный, системный ресурс.

Функция средства производства в сельском и лесном хозяйстве и источника соответствующих видов продукции не единственная и, рискнем утверждать, не главная для земельных ресурсов. Вовлечение в хозяйственный оборот дополнительных земельных ресурсов или необдуманное изменение исторически сложившихся форм землепользования на освоенных территориях даже при восстановлении агроэкономической ценности земельных ресурсов может приводить к необратимому нарушению экологического равновесия и утрате или снижению качества других компонентов интегральной оценки земельных ресурсов. Поэтому оценка эффективности землепользования исключительно с позиций аграрного природопользования (что практически имеет место в действительности) нельзя признать удовлетворительным. Необходима интегральная оценка, учитывающая и другие компоненты.

Земельные ресурсы это также и территориальные ресурсы. Они являются пространственным базисом функционирования и развития общества. Территория имеет собственную ценность вне зависимости от плодородия ее почв, или, например, ценности расположенных на ней биоресурсов.

Чрезмерное использование территориальных ресурсов, экстенсивное развитие отдельных видов землепользования за счет расширения используемой площади является расточительным, т. к. «неиспользуемых» в широком смысле территорий не существует. На самом деле в этой ситуации один вид землепользования вытесняет (а часто безвозвратно разрушает) другие его виды, природные биогеосистемы, сложившуюся среду обитания людей, культурно-исторический ландшафт.

Важной частью оценки земельных ресурсов, в том числе и стоимостной их оценки как пространственного ресурса должен, по нашему мнению, являться учет качества географического положения территории. Для территории как ресурса важен учет таких ее свойств, как протяженность, взаиморасположение объектов на ней, их связность и др.

Выбор оптимальной схемы использования земельных ресурсов невозможен без учета культурно-информационной, культурно-исторической функции ландшафта. На протяжении всей своей истории человечество накапливало и развивало навыки гармоничного сосуществования с окружающей средой на конкретной территории, в конкретном ландшафте.

«Культурная рекультивация» разрушенной или резко измененной традиционной модели жизнедеятельности населения в ландшафте или отдельных ее элементов не менее сложная и долговременная задача, чем восстановление истощенного плодородия почвы. Задача сохранения культурного ландшафта исключительно важна, так как именно ландшафт интегрирует в себе, и в нем живут исторические, природные, культурные и

производственные элементы, определяющие уровень развития и самосознания нации.

Попытка сохранить традиционные трудовые навыки сельского населения, народные промыслы вне их естественной среды, изъятыми из вмещающего их ландшафта подобны в лучшем случае каменной бабе с древнего кургана, экспонирующейся в музейном зале, или куртине ковыля, растущей в ботаническом саду.

В настоящее время преобладает использование нормативной цены на землю. Вследствие этого взимаемые ныне ставки земельного налога практически не связаны с современными экономическими реалиями. В таких условиях невозможно справедливое и эффективное налогообложение.

Современной теорией оценочной деятельности предусматривается три основных подхода к оценке:

1. затратный подход как совокупность методов оценки стоимости объекта, основанных на определении затрат, необходимых для восстановления или замещения объекта оценки, с учетом его износа;
2. сравнительный подход как совокупность методов оценки стоимости объекта, основанных на сравнении его с аналогичными объектами, в отношении которых имеется информация о ценах сделок с ними;
3. доходный подход - совокупность методов оценки стоимости объекта, основанных на определении ожидаемых доходов от него.

Предлагаемая нами методика оценки земли разработана для оценки пашни. Однако положенные в ее основу принципы позволяют сравнительно легко трансформировать ее для оценки и других видов земельных угодий. Методика основана на доходном методе оценки в условиях рыночной экономики, представляет собой его модификацию и может называться условно-доходной.

Рыночная стоимость земельного участка зависит от ожидаемой величины, срока и вероятности получения дохода от него за определённый период времени. Оценивать доходность эксплуатации земельного участка, основываясь на фактически имеющих место экономических результатах сельскохозяйственной деятельности, как предлагает методика государственной кадастровой оценки сельскохозяйственных угодий, невозможно, по крайней мере, по следующим причинам:

1. Значительная часть сельскохозяйственного производства в настоящее время убыточна;
2. В сельском хозяйстве широко распространено искусственное, нерыночное ценообразование на расходные материалы, услуги, кредитные ресурсы и т. п., что делает невозможным объективную оценку издержек производства.

В связи с этим в предлагаемом нами подходе потенциальная валовая доходность земли оценивается на основе величины биопотенциальной урожайности соответствующей сельскохозяйственной зоны и сложившейся на рынке цены на основную сельскохозяйственную продукцию данной зоны. Биопотенциальная урожайность отражает не фактически сложившийся, а

практически возможный уровень урожайности при условии соблюдения норм агротехники.

Однако рыночная стоимость земли как ресурса отражает её текущую ценность с точки зрения получения будущей прибыли, а не валового дохода. В условиях рыночной экономики рациональный собственник будет использовать землю так, чтобы она приносила наибольшую прибыль. Если какой-либо земельный участок не обеспечивает достаточного уровня доходности, то собственник выберет другой вариант использования данного участка, либо продаст его на рынке земельных участков другому собственнику, который имеет возможность эксплуатировать участок так, чтобы обеспечить себе норму прибыли, необходимую для покрытия всех расходов и осуществления воспроизводства. В противном случае средства будут направляться не в приобретение земельного участка, а вкладываться в банк, государственные или корпоративные ценные бумаги и др., где суммарные риски ниже, а получение дохода не сопряжено с необходимостью высокой предпринимательской активности.

Основная масса капитала в условиях российской экономики обращается на рынке со ставкой, базирующейся на ставке рефинансирования (учётной ставке по кредитам Центробанка РФ). Любые вложения, в том числе и приобретение земли, должны стремиться обеспечивать доходность выше ставки рефинансирования.

Таким образом при оценке земли следует исходить не из отраслевой, а из общеэкономической нормы прибыли. В качестве минимально приемлемой нормы прибыли для экономики в целом можно принять величину равную усредненной за ряд лет ставке рефинансирования, а в качестве минимальной чистой нормы прибыли - разницу между усредненной ставкой рефинансирования и средней за этот же период инфляцией.

Норма чистой прибыли показывает, какую минимальную часть от потенциального денежного потока должна составлять чистая прибыль, чтобы вложения в приобретение земли были эффективны и конкурентоспособны с общеэкономической точки зрения.

Таким образом, потенциальная чистая прибыль с одного гектара оцениваемого участка за год будет равна произведению трех величин: биопотенциальной урожайности, рыночной цены основной сельскохозяйственной продукции данной зоны и нормы чистой прибыли.

Для расчёта стоимости пашни целесообразно применять метод дисконтирования прибыли полученной от реализации сельскохозяйственной продукции производимой на данной пашне. Смысл его состоит в том, что чем дальше во времени отстоит момент получения ожидаемой прибыли, тем ниже его сегодняшняя стоимость. Для определения стоимости участка пашни необходимо определить текущую стоимость всех потоков прибыли от этого участка за прогнозный период.

Полученная на основе применения данной методики стоимость пашни представляет собой минимальную, базовую величину. При проведении земельных аукционов она может выступать как стартовая цена. В рамках

проведения земельной политики на федеральном уровне и в регионах к этой стоимости могут вводиться повышающие коэффициенты. Но, с нашей точки зрения, следует законодательно ограничить возможность понижать цену земли ниже этого уровня. При проведении земельных аукционов в этом случае участок должен сниматься с продажи. Это связано с тем, что в основу предлагаемой методики заложена минимально приемлемая норма прибыли.

Бубнова Е.А. Территориальная дифференциация обеспеченности населения Оренбургской области услугами системы здравоохранения

ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

В ходе исследования территориальной дифференциации качества жизни (КЖ) населения Оренбургской области представляется важным изучение обеспеченности жителей различными социальными услугами, в том числе – услугами здравоохранения. Особенно актуально это в свете осуществления Федеральной программы в области здравоохранения. Поэтому нашей задачей стояло выяснить обеспеченность жителей муниципальных образований региона услугами в этой важной сфере обслуживания. Однако оценка эта касается «дореформенного» времени, поскольку Программа начала действовать лишь в текущем году.

В ходе знакомства с методиками изучения КЖ различных регионов нашей страны были выявлены следующие показатели уровня развития здравоохранения: качество и доступность медицинского обеспечения, обеспеченность современным медицинским оборудованием, число медицинских учреждений, обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, (посещений в смену), обеспеченность больницами, обеспеченность больничными койками, обеспеченность врачами всех специальностей, обеспеченность средним медицинским персоналом. Первые два показателя представляются наиболее интересными, однако оценить их довольно трудно вследствие отсутствия соответствующей статистической информации, в том числе и в специализированных информационных сборниках. Отметим также, что, анализируя частоту встречаемости показателей качества жизни у различных исследователей, Н.А.Щитова [3, с.70-73] не упоминает показатели работы системы здравоохранения. Возможно, это связано с нечастым их применением. Наиболее используемые показатели: обеспеченность врачами и больничными койками на 10 000 жителей, реже анализируются обеспеченность средним медицинским персоналом и мощность амбулаторно-поликлинических учреждений. Однако данные показатели не в полной мере характеризуют качество медицинского обслуживания, ведь по ним как наш регион, так и многие регионы страны, можно сравнивать с развитыми странами. Н.В.Зубаревич для характеристики обеспеченности регионов России услугами здравоохранения использует только показатель обеспеченности врачами на 10 000 населения, поскольку «по сравнению с показателями обеспеченности средним медицинским персоналом и коечным фондом» он «лучше отражает потенциальную возможность получения качественных медицинских услуг» [1, с.114].

Нами для характеристики уровня обеспеченности населения области услугами здравоохранения были взяты показатели обеспеченности врачами,

средним и младшим медицинским персоналом; а также – укомплектованности лечебных учреждений и скорой помощи врачами, средним и младшим медперсоналом [2]. Для вычисления интегрального индекса использован метод линейного масштабирования, довольно часто применяемый при вычислении индекса КЖ. Он основывается на определении референтных точек (минимальных и максимальных значений индикаторов) и показывает положение показателя каждого муниципального образования между ними. Вначале производится вычисление частных индексов по каждому показателю по формуле:

$$Y=(X-X_{\min})/(X_{\max}-X_{\min}),$$

где Y – частный индекс, X – показатель того или иного района, $X_{\max}$ и $X_{\min}$ – референтные точки.

Сложность состоит в определении этих точек. В случае долевых показателей (укомплектованность учреждений медперсоналом, %) крайними значениями являются 0 и 100%. В случае обеспеченности медицинским персоналом на 10 000 жителей референтные точки приведены в таблице 1.

Таблица 1. Референтные точки и полярные значения показателей

Показатели	Референтные точки		Различия между территориями области	
	max	min	max	Min
Обеспеченность врачами, чел. на 10 000 жителей	105,0	0,0	102,8	20,7
Обеспеченность средним медицинским персоналом, чел. на 10 000 жителей	195,0	0,0	190,8	66,1
Обеспеченность младшим медицинским персоналом, чел. на 10 000 жителей	120,0	0,0	116,4	38,4

Итоговый индекс обеспеченности населения услугами здравоохранения

$$=(Y_1+Y_2+Y_3+Y_4+Y_5+Y_6+Y_7+Y_8)/8,$$

где Y_1 – частный индекс укомплектованности лечебных учреждений врачами, Y_2 – индекс укомплектованности лечебных учреждений средним медперсоналом, Y_3 – индекс укомплектованности лечебных учреждений младшим медперсоналом, Y_4 – индекс укомплектованности скорой помощи врачами, Y_5 – индекс укомплектованности скорой помощи средним медперсоналом, Y_6 – индекс обеспеченности населения врачами, Y_7 – индекс обеспеченности населения средним медперсоналом, Y_8 – индекс обеспеченности населения младшим медперсоналом.

Картограмма, построенная по итогам данных вычислений (рис.1) показывает, что наибольшую возможность получения услуг здравоохранения имеют жители областного центра, наименьшую – жители крайних восточных и

южных районов области, а также – ряд районов Западного Оренбуржья. Города области обеспечены медицинскими работниками практически на том же уровне, что и окружающие их районы, исключение составляют Оренбург и Бузулук. Интересным представляется тот факт, что в ряде районов укомплектованность лечебных учреждений средним и младшим медицинским персоналом составляет более 100%, а врачами – намного меньше. Укомплектованность врачами скорой помощи выше, чем лечебных учреждений.

Представляется интересным проследить изменения, произошедшие в территориальной дифференциации укомплектованности медицинских учреждений персоналом с момента введения в действие Федеральной программы в области здравоохранения. Это можно будет сделать не ранее середины 2007 года, когда появятся первая обобщенная статистическая информация. Также, возможно, в отчетах появится информация об укомплектованности учреждений современным медицинским оборудованием. Изменения в этой части происходят, и значительные, о чем можно судить по новостям в областных СМИ и личному опыту.

Индекс обеспеченности населения Оренбургской области медицинскими работниками в первой половине 2000-х гг.

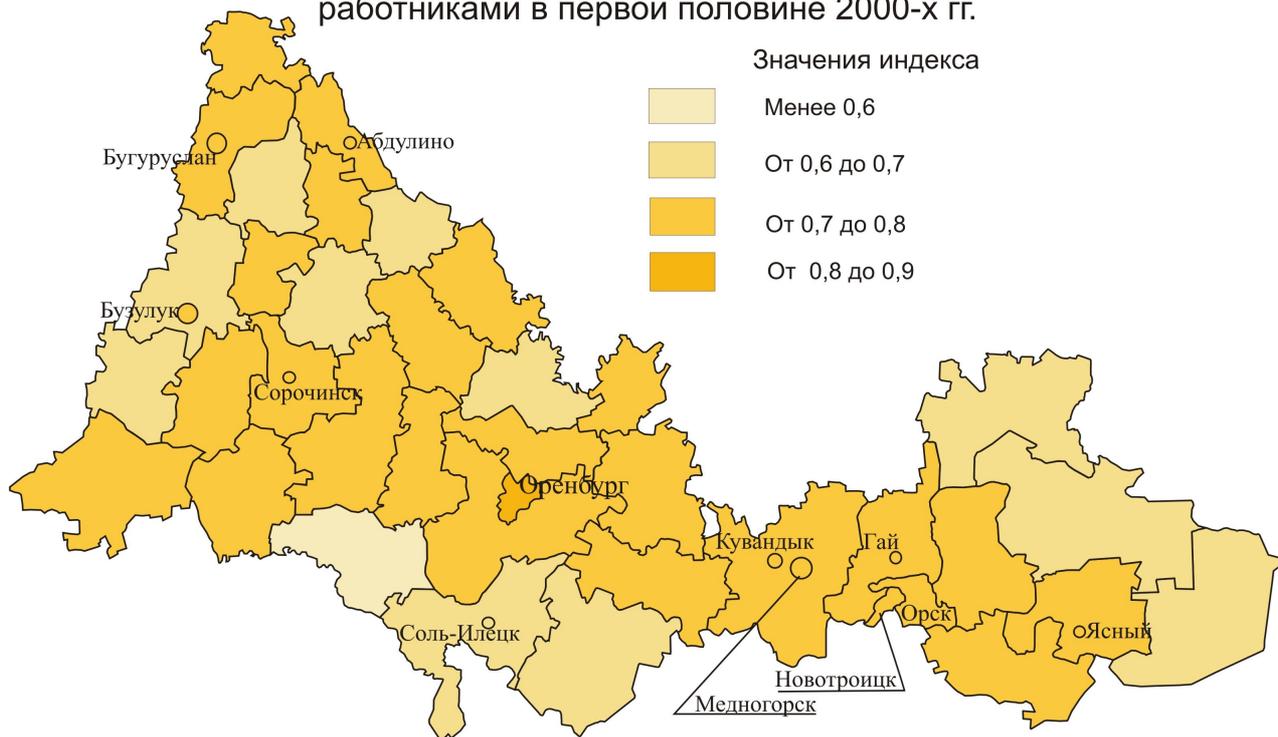

Рисунок 1.

Более достоверной характеристикой работы системы здравоохранения представляется предоставление населению базовых медицинских услуг, таких как профилактические осмотры, позволяющие предупреждать ряд заболеваний или выявлять их на ранней стадии. По охвату населения данным видом услуг также был рассчитан индекс:

$$\text{Индекс} = (Y_9 + Y_{10}) / 2,$$

где Y_9 – индекс охвата профосмотрами взрослого населения, Y_{10} – индекс охвата профосмотрами подростков.

По этому индексу построена картограмма (рис. 2). Сравнение картосхем показывает, что территориальная дифференциация области по обеспеченности населения медицинскими работниками и предоставлению ему медицинских услуг не совпадает. В целом население области профилактическими осмотрами вполне обеспечено (более 80%), особенно это касается жителей городов. Жители же ряда центральных районов охвачены этой услугой менее чем на 90%, хотя имеют достаточную обеспеченность медицинскими работниками. В южных и ряде восточных районов картина обратная.

Индекс обеспеченности населения Оренбургской области
услугами здравоохранения в первой половине 2000-х гг.

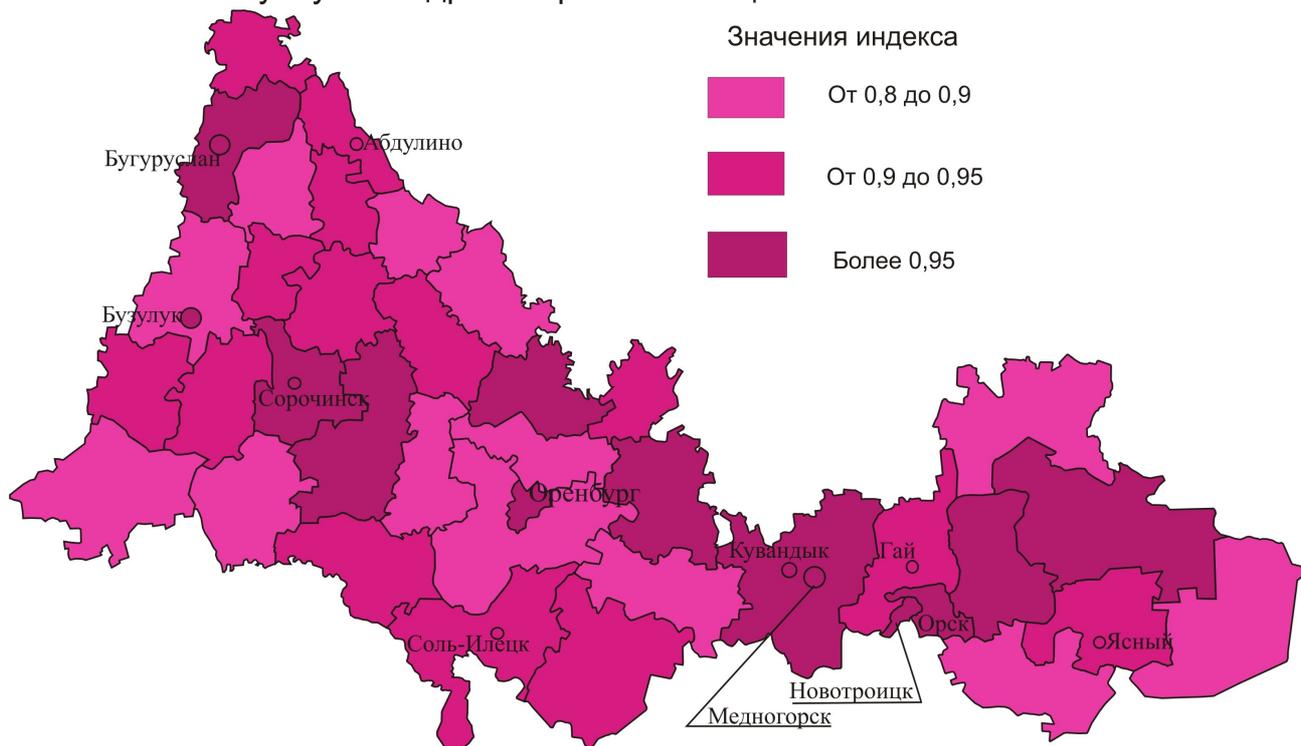

Рисунок 2.

По всем вышеперечисленным частным индексам был рассчитан интегральный индекс развития системы здравоохранения Оренбургской области. По построенной картограмме (рис.3) можно сделать следующий вывод. Западное Оренбуржье имеет наибольшие контрасты: здесь больше всего районов, имеющих высокий уровень развития системы здравоохранения (индекс = 0,8 – 0,9) и вместе с тем – максимальное число районов, имеющих средний индекс (0,6 – 0,7). В Центральном и Восточном внутриобластных Оренбуржье, в основном, данный индекс выше среднего. Исключение составляют Оренбург и Медногорск, имеющие высокие индексы, Илекский, Кваркенский и Светлинский районы со средними индексами.

Показателями качества предоставляемых медицинских услуг, по нашему мнению, могут являться индекс смертности населения, индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс младенческой смертности. Однако уровень смертности населения зависит не только от уровня развития здравоохранения,

но еще от многих причин, и не в последнюю очередь – от возрастной структуры населения и уровня рождаемости. Рассчитать среднюю ожидаемую продолжительность жизни населения муниципальных образований не представляется возможным, поскольку требуется предварительное вычисление повозрастных коэффициентов смертности. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области публикует абсолютные цифры: количество умерших в том или ином возрасте и количество населения в разных возрастных группах, причем возрастные группы в этих двух случаях не совпадают.

Индекс развития системы здравоохранения Оренбургской области
в первой половине 2000-х гг.

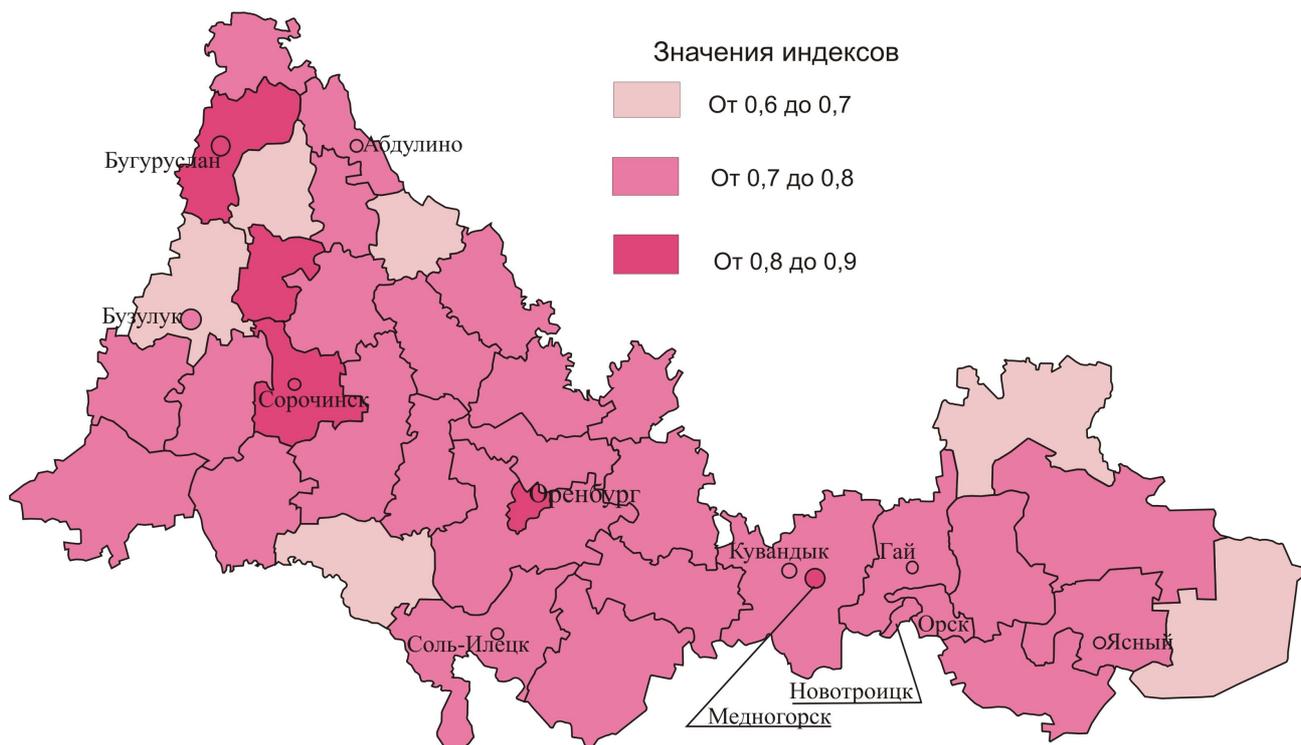

Рисунок 3.

Поэтому был выбран показатель младенческой смертности как наиболее доступный и репрезентативный в данном случае, поскольку смертность детей в первый год жизни, и особенно в первые дни жизни, во многом зависит от качества предоставленного им и их мамам медицинского обслуживания. Рассчитан индекс младенческой смертности. Поскольку данный показатель является обратным, формула линейного масштабирования приняла следующий вид:

$$Y=1 - ((X - X_{\min})/(X_{\max} - X_{\min})).$$

Референтные точки для расчета индекса взяты из работы Н.В.Зубаревич [1]: минимальная – 5 промилле (минимальное значение по странам мира) и максимальная – 50 промилле (среднемировое значение). Анализ полученной картограммы (рис.4) показал, что младенческая смертность в большинстве районов, имеющих высокий индекс развития системы здравоохранения, минимальна; в районах с индексом здравоохранения выше среднего – уровень

младенческой смертности также невысок (индекс = 0,8 – 0,9). Исключение составляют города Орск и Новотроицк, имеющие достаточно высокий уровень развития системы здравоохранения и вместе с тем повышенный уровень младенческой смертности (индекс 0,5 – 0,7).

Индекс младенческой смертности в первой половине 2000-х гг.

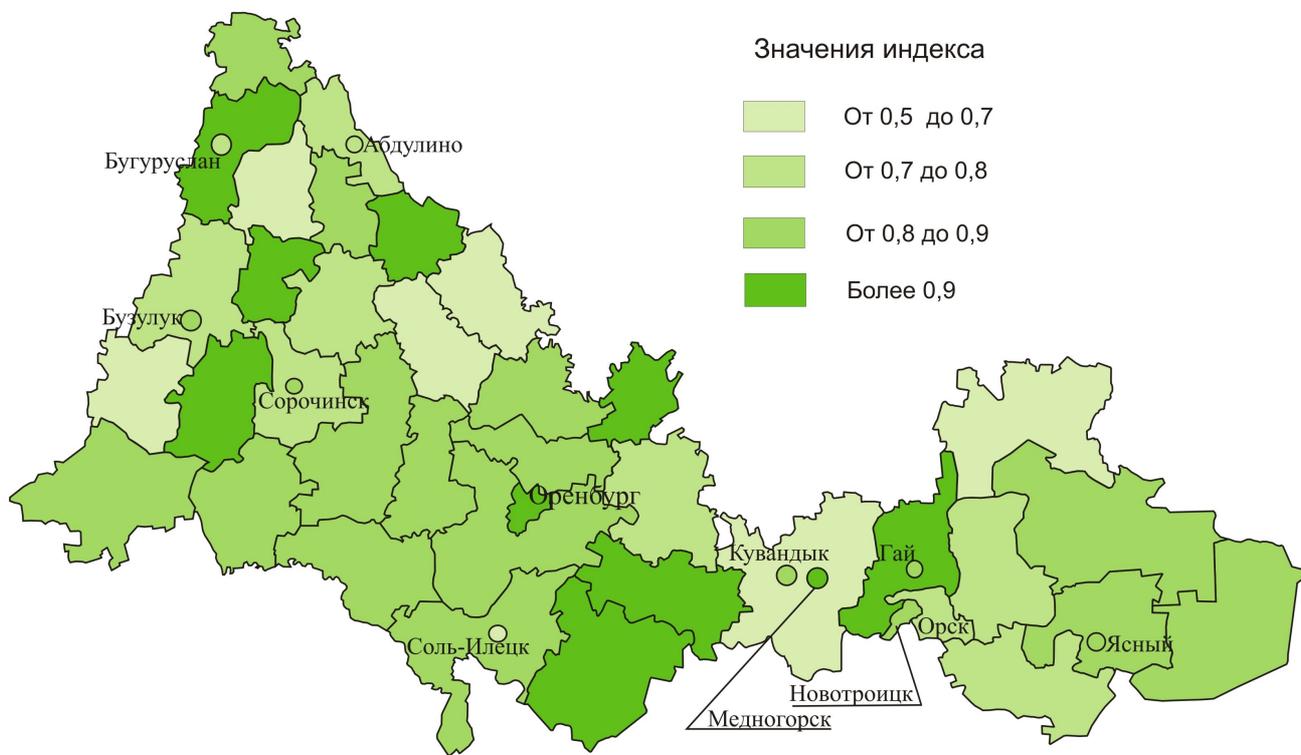

Рисунок 4.

В итоге отметим, что выбранные показатели развития системы здравоохранения Оренбургской области представляются достоверными и показывают реальную картину развития этой базовой услуги в нашем крае.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России в переходный период: Дис. доктора геогр. наук. – М., 2003. – 377 с.
2. Информационно-аналитический сборник о состоянии здоровья населения и деятельности ЛПУ области за 2005 год. Часть I. – Оренбург, 2006. – 210с.
3. Щитова Н.А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования: Дис. доктора геогр. наук. – М., 2005. – 334 с.

Герасименко Т.И. Теория и практика культурно-географического районирования

Оренбургский государственный университет

Вопрос районирования – приоритетный вопрос географии культуры, как и любой другой отрасли географических знаний, поскольку именно районирование позволяет решить основную задачу географической науки – выявить дифференциацию и структуру геопространства. Однако парадоксальным является тот факт, что метод районирования (особенно узлового) хуже всего разработан в культурной географии, несмотря на давние традиции. Как известно, культурно-географическое районирование берет свое начало со времен Геродота. Эта задача чрезвычайно сложная, особенно на современном этапе, поскольку в современных условиях глобализации и интернационализации мира фактически перестали существовать четко выраженные границы, самоидентификация и культурные различия, которые стираются в процессе неизбежной конвергенции. Тем не менее, очевидно, что мировое культурное пространство дифференцировано. Дифференциация происходила под воздействием разных факторов, важнейшими из которых являются географическое положение, природная основа – ландшафты и исторические судьбы регионов.

Многочисленные попытки провести тотальное культурное районирование пока не привели к окончательным результатам. Это неудивительно, поскольку, во-первых, это обусловлено сложностью и многомерностью объекта исследования, и, во-вторых, отсутствием единой методологии изучения этого вопроса. В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки культурно-географического районирования на разных иерархических уровнях, в основу кладутся разные подходы и признаки (историко-культурный, хозяйственно-культурный, культурно-экологический и др.).

Главная причина недостаточной проработки вопроса заключается в том, что культура большинства стран и районов гетерогенна, иерархична и внутренне разнотипна, в силу чего чрезвычайно сложно и даже практически невозможно покрыть геопространство сеткой однородных районов. Алгоритм районирования в общем виде понятен. Первоначально необходимо вычленивать параметры, которые являются индикаторами культуры (цивилизации), далее на основе анализа соответствующих характеристик выделить ядра этнокультурного пространства и, наконец, уточнить границы макрорегионов. Однако проблема заключается в том,

что уже на первом этапе – при определении критериев районирования - возникают значительные расхождения во взглядах, что связано со сложностью самого феномена культуры. К тому же границы регионов не совпадают с официальными границами АТЕ, что сильно усложняет задачу. Относительно легко поддается культурное пространство группировке по различным признакам – историческому, этническому, конфессиональному. Предлагаются разные варианты, но все они имеют свои недостатки. Существуют варианты районирования по сочетанию разных видов искусства, по специализации районов в области культуры, по самоидентификации населения и др. Предлагаются различные частные и синтетические количественные показатели, претендующие на определение специализации районов в области культуры, в том числе учет структуры занятости населения. Все они имеют как достоинства, так и недостатки и ни один не отражает всех параметров феномена культуры. Так, Ю.Д. Дмитриевский (2000) предложил районирование по общекультурному признаку, выделив районы с очень низким, низким, средним, высоким уровнем развития общей культуры, используя простейший показатель – индекс образованности общества. Однако это очень спорный и неправомерно поставленный вопрос с позиций равенства культур.

Некоторые авторы полагают, что дифференциацию культурного пространства можно провести на основании самоидентификации населения (например, М.П. Крылов). С этим можно согласиться лишь с большими оговорками. Этот подход весьма субъективен. Самоидентификацию населения необходимо использовать как важный, но не единственный метод районирования.

Интегральное культурное районирование – архисложная задача. В рамках комплексного подхода выделяют культурные комплексы разного уровня, которые локализуются в пространстве и времени вместе с этносами, хозяйственно-культурные типы (ХКТ) и "историко-этнографические" ("историко-культурные") области (Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1985). Под ХКТ понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях. Концепция ХКТ, к сожалению, при всех ее плюсах имеет историко-географические ограничения. Сами авторы смогли составить карту лишь на период XV века, т.к. в более поздние периоды под воздействием колонизации в большинстве районов мира различия стерлись.

Более реален подход, предполагающий изучение природно-культурно-географических комплексов в рамках концепции культурных ландшафтов. Представители этого направления - Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков и др. Культурные ландшафты - важный индикатор культурной дифференциации. Резко различаются культурные ландшафты России и стран Балтии, России и Китая, Белоруссии и Польши, а вот между культурными ландшафтами в приграничной Российско-Казахстанской или Российско-Белорусской полосе нет существенных различий. Культурно-ландшафтный подход достаточно адекватен и весьма географичен. Однако и этот вид районирования имеет свои издержки и затруднен процессами конвергенции и глобализации, происходящими под влиянием техногенных изменений. Культурный ландшафт можно использовать как один из индикаторов ЭКР.

Очевидно, что стремление некоторых авторов построить единую иерархическую систему равнозначных этнокультурных районов изначально обречено на провал. Выделение районов-таксонов возможно при проведении экономического районирования, либо административно-территориального деления, т.е. в случаях, когда можно использовать какие-либо статистические показатели. Однотипные этнокультурные районы выделены быть не могут, за исключением группировки районов по формальным признакам. Однако все эти признаки на деле не могут раскрыть специфики этнокультурных различий, поскольку главные различия лежат в области стереотипа поведения, обусловленного во многом формами адаптации в определенном вмещающем ландшафте.

Так же в большинстве случаев не могут быть проведены точные границы этнокультурных районов, поскольку их формирование осложнено взаимодействием этнических культур. Сам принцип построения строго иерархической сетки равнозначных однородных культурных районов приводит иногда к парадоксальным результатам. Этого не удалось избежать, например, А.Г. Дружинину (2004), который в результате такой попытки приходит к выводу, что, например, суперрегиональному уровню пространственной самоорганизации культуры могут соответствовать военно-политические блоки. Это представляется абсурдным, поскольку военно-политические блоки формируются только в результате организации и могут служить основой для геополитических районов, но никак не культурных. Вряд ли в большинстве случаев могут в качестве субъектов самоорганизации культуры служить и административно-территориальные единицы. Их можно использовать лишь как формальные таксоны – носители определенной статистической информации.

Современные методологические подходы (прежде всего - комплексный, системный и историко-географический) дают возможность приблизиться к решению вопроса этнокультурного районирования. Если изначально принять за основу тезис о том, что этнокультурное пространство невозможно разделить на равнозначные районы, то вполне реально выявить разнородные этнокультурные регионы, представляющие собой *разные* образования как по территории, так по структуре. Этнокультурное районирование не может быть сведено к точному "бухгалтерскому" учету равного количества признаков, поскольку ни одна этническая культура не повторяет строгого набора признаков, характерных для другой культуры. Они не совпадают в пространстве с географией этносов. Даже такой устойчивый признак как язык не является абсолютным и неизменным индикатором этнической культуры. Это так в силу большой разнородности этнокультурного пространства, разнообразия ландшафтов и разных способов адаптации населения к природной среде. Можно выделить ряд разнородных по размерам, структуре, степени сформированности и географическому рисунку этнокультурных территориальных структур. Для их идентификации мы используем понятие «этнокультурные регионы» - по М.П. Крылову морфологически упорядоченные безразмерные единицы – что представляется вполне правомерным наряду с использованием термина "район". В основе этнокультурных регионов (ЭКР) лежат этнокультурные территориальные комплексы (ЭТК), совокупность которых представляет геокультурный каркас территории. ЭКР включает и резервные территории. По размеру это *геомеры (хороны)* - части единого этнокультурного пространства, вмещающего территориально-культурные общности, для которых характерны свойства системности (единство, взаимодействие, центростремительные тенденции). ЭТК формируются в определенном ландшафте и характеризуются региональной целостностью, наличием регионального самосознания, в ряде случаев доминирующего над этническим, общих культурных черт, сложившихся в результате длительного периода взаимодействия культур, а также местными формами проявления национальной культурной традиции.

По географическому рисунку в зависимости от территориальной структуры ЭТК этнокультурные регионы могут быть гомогенными, узловыми, очаговыми, мозаичными, ячеистыми, мозаично-ячеистыми и гибридными. Гибридные районы сочетают разные элементы - узловую, линейно-узловую и гомогенную структуры. Велики различия в зависимости от географического – в частности, транспортно-географического положения. Наибольшую сложность представляет выделение узловых этнокультурных районов, которое проводится по

интенсивности этнокультурных связей внутри них. При узловом районировании выявляют сферы влияния центров разного иерархического уровня. Методологически узловой район, как вытекает из его определения, предполагает единство и взаимодействие с ядром-центром. На территории России к такому типу могут быть отнесены лишь немногие этнокультурные регионы, тяготеющие к транспортным узлам.

На формирование этнокультурного пространства и территориальную организацию этнической культуры влияет ряд факторов, которые необходимо учитывать при районировании. Ключевыми являются географическое положение (в частности, близость к транспортным магистралям и портам, близость к политической границе, соседство со столицей и крупными городами) и природные условия. Именно эти факторы определяют особенности взаимодействия этнических групп, особенности этнической культуры и формирование типов районов. Особенно важно учитывать транспортные связи, которые и определяют в первую очередь формирование узловых или гомогенных районов.

В России сложилась уникальная ситуация. У нас сосуществуют культуры разного типа. Наряду с техногенными урбанизированными культурами, характерными для крупнейших городов, существуют традиционные этнокультурные общности, проживающие в сельской местности, этно-экологические районы, сохранившие свой стиль жизни, который не в состоянии изменить даже технический прогресс в силу живучести традиций. Кроме того, имеется целый ряд промежуточных культур. Ряд небольших городов сохраняет этнокультурную специфику. В некоторых городах сохраняются отдельные, как правило, неурбанизированные районы с ярко выраженной этнокультурной окраской. Примерами могут служить кварталы с цыганским населением, проживающим, как правило, компактно и сохраняющим не только специфику внешнего облика домов и дворов, одежды и кухни, но и стиль жизни, особенности занятий и т.д. Чаще этнокультурная специфика характерна для сельской местности, где порой сильно различаются разные концы одного села. Таковы двунациональные села Оренбуржья – например, русско-татарское село Мухраново.

При районировании имеет значение учет стадильности развития этнической культуры. Традиционные культуры находятся на доиндустриальной стадии развития. Стадильность особенно важна для культур техногенного типа, которые сильно различаются и с определенного момента подвержены вестернизации.

Социально-экономические параметры также нередко связаны с этнокультурными, хотя и опосредованно. Т.Г. Нефедова (2003), анализируя уровень производительности труда в сельском хозяйстве, отмечает, что национальные различия в ряде обследованных ею районов проявляются в разнообразии как индивидуальных сельских хозяйств, их специализации и товарности, так и в их влиянии на агропредприятия. Различия, видимо, обусловлены не только национальными особенностями, но и другими факторами. Автор хорошо понимает, что постановка вопроса о непосредственной связи этнического фактора с уровнем развития экономики не вполне корректна, поэтому рассматривает его в связке с другими – например, демографическим. Она отмечает, что в этнически русских периферийных районах в результате депопуляции очевиден контраст "с демографически более полноценными и трудоспособными сообществами таких же окраинных чувашских, татарских, башкирских, кабардинских сел".

Действительно, связь между этническим составом и уровнем жизни существует, но она не прямая, а опосредованная. К примеру, в Оренбуржье встречаются села, где татарское население имеет более низкий уровень производства и соответственно уровень жизни, чем русское (это касается, в частности, сел с казацким населением), хотя есть и противоположные примеры. Здесь играют роль многие факторы – от религии до национальных традиций. Башкиры имеют большие достижения в области животноводства, а вот земледельцы из них традиционно плохие. Имеются внутриэтнические различия. Например, очень сильно различаются русские. Среднеазиатские русские, потомки казаков, выходцы из южных провинций как правило, более трудолюбивы и предприимчивы, чем их соплеменники из средней полосы России. Влияет на их образ и уровень жизни и социальный состав.

Для этнокультурного районирования может быть использована методика "районирования снизу", которая предполагает использование так называемых "плавающих" признаков, когда для одной части районов решающую роль играет одна группа признаков, а для другой части – другая. "Кроме того, выделяемые районы, сочетая черты однородных и узловых, не образуют строгой иерархии ("матрешки"), а просто группируют исходные ячейки в определенные типы" (Нефедова, 2003, с. 362).

Наиболее значимым индикатором культуры является стереотип поведения, основу которого составляет менталитет, система ценностей, миропонимание, мораль, нравственность, национальный характер –

наиболее стабильные параметры, которые изменить практически невозможно. Можно лишь приспособиться к другой культуре, проявив к ней толерантность. Такие признаки, как язык, религия, способы и орудия производства, важны и действительно имеют пространственные различия, однако менее стабильны и представляются в данном случае формальными, поскольку могут взаимодействовать, заимствоваться и меняться. Их выявление гораздо важнее для мезо- и микрорайонирования. В выделенных макрорайонах пространство может быть мозаичным.

Особенно сложно районирование маргинальных зон, каковой является Оренбургско-Казахстанский трансграничный регион (ТГР), рассматриваемый нами в границах Оренбургской области России и трех приграничных областей Казахстана - Западно-Казахстанской, Актюбинской и Костанайской. Реально к этому району тяготеет юг Башкирии и частично Атырауская область, а вот некоторые периферийные части не так сильно ориентированы на ядро района. Поскольку выделение точных границ региона невозможно, представляется правомерным выбор условной территории в пределах современных административных границ, которые существуют несколько десятилетий и даже поэтому уже стали районообразующим фактором. ТГР сложился как единый, он является частью Оренбургского края, представляющего собой историко-культурную область в районе стыка двух миров. Это провинциальный контактный регион, долгое время развивавшийся как внутренний, а с распадом СССР трансформировавшийся в трансграничный. Это кайм, для которого характерны процессы диффузии и заимствований, что на самом деле сильно осложняет задачу.

Единство макрорегиона не вызывает сомнений и обусловлено рядом факторов. Прежде всего, единством природной основы – лесостепных, степных и полупустынных ландшафтов в пределах Русской равнины, Уральской складчатой страны и возвышенных равнин Зауралья. Кроме того, регион характеризуется единством этнокультурной, политической и экономической истории, географического положения (прошедшего ряд стадий – от маргинального через транзитное и глубинное к трансграничному), сходством хозяйственно-культурных типов и как следствие – культурных ландшафтов, региональной самоидентификацией населения. Региональная культура, сложившаяся на основе мозаики этнических культур при доминирующей роли русской культуры, система ценностей, образ жизни, ментифакты, социофакты и артефакты имеют много общего и позволяют считать регион единым целым. Взаимодействие ислама и православия как мировых религий, сильно

трансформированных и осложненных элементами синкретизма, а также влиянием в течение длительного периода атеизма, усиленного "вливанием" целого поколения комсомольцев-целинников, обусловило специфику конфессионального пространства, являющегося своеобразным буфером, окном из российского в азиатский мир.

В то же время сохраняются внутрирегиональные этнокультурные различия, что является основанием для этнокультурного районирования. Этнокультурные системы сильно различаются не только в зависимости от взаимодействия с вмещающим ландшафтом, но и межэтническими контактами. Даже в пределах одного этноса различия существенны. Так, в пределах региона совершенно разными этнокультурными группами являются русские – потомки казаков, русские – потомки староверов и русские – переселенцы в период освоения целины и индустриализации. Так же различаются этнокультурные группы татарского, башкирского, немецкого и др. населения. Одно дело – группы, проживающие компактно и изолированно, другое дело – жители дву- или многонациональных сельских населенных пунктов. И уж совсем отличны жители урбанизированных поселений. Границы здесь разреженные и аморфные.

В историко-географической ретроспективе (а для ряда территорий и в настоящее время) для региона было характерно тяготение к Оренбургу, объективно являвшемуся его культурным, политическим и экономическим центром. Это ядро остается однозначным и в настоящее время. Что касается полупериферии и особенно периферии, то здесь наблюдается двойное самосознание (так, жители северо-запада Оренбургской области идентифицируют себя не только (а иногда и не столько) с Оренбуржьем, но и с Самарской областью, север Костанайской области тяготеет к Челябинску, а северо-восток к Кургану). Кроме того, в историко-географическом аспекте эту территорию можно характеризовать как пульсирующий топохрон (по выражению М.П.Крылова).

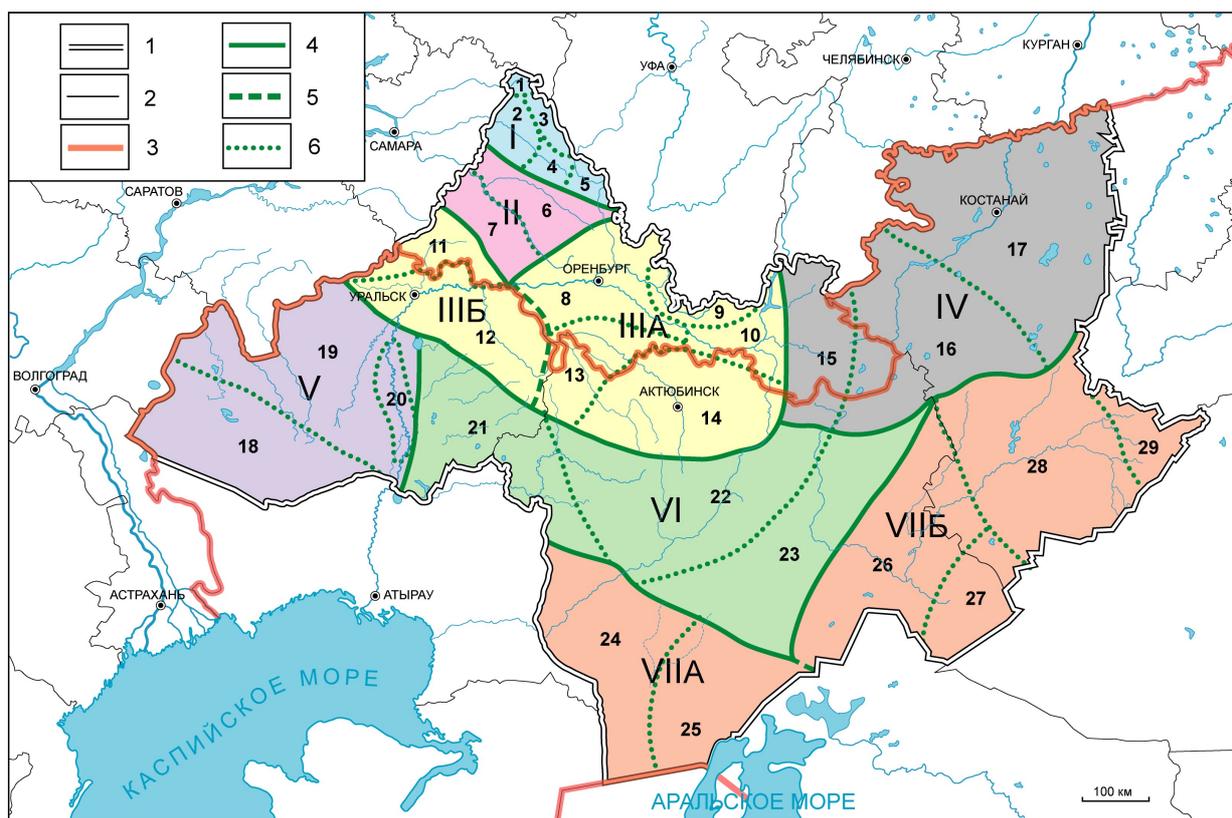
Использование историко-географического и системно-структурного подходов позволяют приблизиться к решению проблемы и провести гомогенное многопризнаковое районирование территории. Для этого обращаемся к концепции хоронов-геомеров. Некоторые из них иерархичны, другие – нет. Как уже было отмечено, по территориальной структуре район является гибридным. Ряд таксонов являются однозначно узловыми, их легко установить в связи с наличием ядер (к ним относятся урбанизированные и некоторые сельские территории). Другие сильно размыты, их можно считать гомогенными. В пределах региона возможны варианты в выделении границ (очевидны несколько уровней, разная

степень связанности внутри таксона, возможно отнесение ряда территорий одновременно и к другим этнокультурным таксонам). С позиций концепции этнокультурного каркаса и наличия "резервных" территорий все становится на свои места.

Представляется справедливым и объективным наличие в основе районов следующих признаков: природно-ландшафтная основа, способ взаимодействия этноса с ландшафтом, сочетание этносов с учетом взаимной комплиментарности, хозяйственно-культурные типы (ХКТ) и культурный ландшафт (КЛ), экономические, инфраструктурные, культурные связи, наличие временных (в том числе кратковременных) миграций, влияние ядер и тяготение к ним, религиозный состав, идентичность, языковой состав, историко-географическая общность и особенности заселения, исторические особенности политико-административного устройства (обуславливают совместное развитие), топонимические особенности (с учетом трансформации), особенности территориальной структуры. Каждый из этих признаков в отдельности позволяет провести отраслевое районирование, а их наложение в какой-то степени подойти к решению проблемы интегрального районирования. Однако более справедливо применение метода «плавающего признака».

В сетке этнокультурного районирования мы постарались учесть уже имеющиеся наработки, с тем, чтобы в нашей стране формировалось районирование в более или менее едином ключе: в качестве таксонов разных уровней использованы этнокультурные провинции, округа и земли. Кроме того, эти таксоны в какой-то степени соответствуют физико-географическому районированию, проведенному специалистами Института степи УрОРАН, которые выделили физико-географические провинции, округа и районы. Такое соответствие представляется корректным, поскольку в той или иной степени таксоны этнокультурные соответствуют ландшафтным: ведь вмещающий ландшафт является экологической нишей для этнокультурных групп. Для региона это – лесостепные, степные, полупустынные и пустынные территории, расположенные на разной гипсометрической и тектонической основе.

В результате на основе сопоставления и наложения выделенных однородных районов на разных картах (физико-географического районирования, этнографической, хозяйственно-культурных типов, культурных ландшафтов, конфессиональной, административно-территориального деления) выделены интегральные таксоны (рис. 1):

Рис. 1. Этнокультурное районирование Оренбургско-Казахстанского трансграничного региона

Условные обозначения: 1 – граница региона, 2 – административные границы, 3 – государственная граница, 4 – границы этнокультурных провинций, 5 – границы этнокультурных округов, 6 – границы этнокультурных земель.

Цифрами обозначены:

	Этнокультурные провинции:		Этнокультурные округа:
I.	Бугульминско-Белебеевская	IIIА.	Сакмаро-Предуральский
II.	Общесыртовска	IIIБ.	Сыртово-Уральско-Ухтинский
III.	Оренбургская	VIIА.	Приаральский
IV.	Зауральско-Тургайская	VIIБ.	Тургайский
V.	Предуральская		
VI.	Зауральско-Эмбинская		
VII.	Приаральско-Тургайская		

Этнокультурные земли*

* Мы считаем не слишком удачным термин «земля» для обозначения микрорайонов, но, поскольку он уже употребляется другими исследователями (Р.Ф. Туровский, А.Г. Манаков), мы его используем.

1	Верхнесокская	16	Тургайская
2	Прикинельская	17	Тобольско-Ишимская
3	Кандызско-Верхнеикско-Садакская	18	Рын-Песчаная
4	Садакско-Верхнекинельская	19	Узеньско-Кушумская
5	Верхнедемская	20	Придолинно-Уральская
6	Боровско-Ток-Присамарская	21	Шалкар-Калдыгайтыская
7	Бузулук-Присамарская	22	Эмбинско-Мугоджарская
8	Нижнесакмарская	23	Прииргизская
9	Нижнеикско-Зилаирская	24	Донгузтауская
10	Медногорско-Орская	25	Приаральская
11	Чаганская	26	Улькаякская
12	Уральско-Аксайская	27	Прикаракумская
13	Урало-Илекская	28	Улы-Жалыншыкская
14	Актюбинско-Хромтауская	29	Аркалыская
15	Сундук-Верхнекуманская		

Провинции, округа и земли складывались в определенных физико-географических условиях. Так, Зауральско-Тургайская провинция сложилась в типичной южной степи, на Казахском плато и мелкосопочнике. Этнокультурную основу составляют целинники – русские, украинцы и казахи, этнокультурная система которых сильно трансформирована. Население по большей части русскоязычно, преобладают атеисты. Разные этнокультурные группы занимают разные экологические ниши. Общесыртовская возвышенная провинция сложилась в степной зоне, Предуральская - в умеренной и северной подзоне пустынь и полупустынь, Приаральско-Тургайская – в полынно-солянковых пустынях. Сыртово-Уральско-Ухтинский округ сформировался в Северо-Прикаспийской физико-географической области, на севере Прикаспийско-Туранской страны. Физико-географическую основу Боровско-Ток-Присамарской земли составляет Боровско-Присамарский сыртово-увалистый район, Бузулукскоборский бугристо-песчаный подрайон, Ток-Присамарский сыртово-холмистый район; Бузулук-Присамарской земли - Сыртово-увалистый придолинно-плакорный Бузулук-Присамарский район; Нижнесакмарской земли - Салмыш-Юшатырский лесостепной, Чебеньковский степной сыртово-холмистые районы и Нижнесакмаро-Уральский сыртово-увалистый район.

Природная основа послужила важным фактором хозяйственно-культурных и культурно-ландшафтных различий. В ряде земель (степных и лесостепных) и провинций преобладает богарное земледелие с разным соотношением пастбищного скотоводства и соответственно поля, сенокосы и пастбища. В украинско-русских районах развито свиноводство. В полупустынных и пустынных районах – овцеводство, коневодство, верблюдоводство с очагами земледелия.

Велики различия в таксонах системы расселения в зависимости от генезиса поселений. Так, в долине Урала, Б. Узенья и М. Узенья и некоторых других рек преобладают казачьи станицы. Они характерны для Нижнесакмарской, Актюбинско-Хромтауской, Тургайской, Тобольско-Ишимской, Узеньско-Кушумской, Придолинно-Уральской, Эмбинско-Мугоджарской земель. Для ряда земель (16, 17, 20) характерны русские крепости. Русско-украинские села, возникшие при более позднем сельскохозяйственном освоении, характерны для Сундук-Верхнекумской, Тургайской, Тобольско-Ишимской, Прииргизской, Улькаякской, Узень-Кушумской и некоторых других земель. Казахские стационарные поселения возникли в долинах рек, в тех же землях, где происходило русско-украинское сельскохозяйственное освоение. На водоразделах преобладают сезонные поселения.

Городские поселения возникали в разное время. Наиболее старые – в XVII-XVIII (Уральск, Оренбург), XIX (Актюбинск, Костанай). Большинство возникло на месте сельских поселений или построены заново в XX веке в связи с индустриализацией. В результате сложился ряд урбанизированных поликультурных районов. В степном Сакмаро-Предуральском округе Оренбургской провинции, например, выделяется Медногорско-Орская и Актюбинско-Хромтауская - узловые урбанизированные поликультурные земли, а в пустынном Тургайском округе Приаральско-Тургайской провинции – Аркалыкская поликультурная урбанизированная земля. Но если в первом случае этнокультурную основу составляют русские, то во втором – казахи (66% населения).

Коротко остановимся для примера на характеристике некоторых земель Бугульминско-Белебеевской провинции, сложившейся в лесостепных районах на бывших башкирских землях в результате колонизации русскими и урало-поволжскими народами (мордва, татары, чуваша, удмурты), проживающими как изолированно, так и в связке друг с дружкой. По религиозному составу это православные и мусульмане. Среди православных нерусских народов ярко выражен синкретизм. Элементы язычества проявляются в обрядах и суевериях. Финно-угорские и тюркские языки используются широко в местах компактного проживания, но в последние годы даже в этих районах усиливается роль русского языка, особенно среди молодежи, даже в быту. Преобладает этническая идентичность. Топонимы разные, нередко трансформированные, сохранилось много башкирских. Административная принадлежность территории менялась, в результате чего разные части провинции тяготеют к разным центрам (в том числе к Самаре). В

хозяйственно-культурном отношении преобладает богарное земледелие с молочно-мясным скотоводством, а в культурно-ландшафтном – поля, луга и пастбища.

В провинции выделяются земли монокультурные (с преобладанием татарского, мордовского населения) и поликультурные (русско-мордовские, русско-мордовско-татарско-чувашские, татарско-русско-украинские и др.). Земли выделены при помощи сочетания метода наложения и плавающих признаков. Они различаются особенностями взаимодействия этносов и имеют хозяйственно-культурные, этноэкологические, языковые различия. Например, на Верхнесокской земле мордва проживает компактно. Прикинельская земля, расположенная на Кинельских ярах и сыртово-увалистом районе, характеризуется тем, что основу составляют русские, но значительно и мордовское население. На Кандызско-Верхнеикско-Садакской земле, расположенное в верхнем течение Ика и его притока Кандыза, а также Садаке – притоке Демы, проживают чересполосно или вместе русские, мордва, татары, чувашаи. Садакско-Верхнекинельская земля, расположенная в верховьях рек Кинеля и Садака, заселена русскими, татарами, мордвой и чувашаи. На Верхнедемской земле, занимающей сыртово-плакорный район, проживают татары, русские, украинцы, чувашаи.

Любичанковский А.В. Роль культурного наследия в развитии регионов

Оренбургский государственный университет, Оренбург

По мнению ведущих сотрудников НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, поддержанном директором Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО Ф. Бандарин, в основе современной стратегии сохранения и использования наследия лежат следующие принципы:

1. Широкое представление о наследии, включающем не только недвижимые или движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, традиционные культурные ценности, ремёсла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение.
2. Представление о наследии как системном образовании, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды.
3. Территориальный подход к сохранению наследия; при этом основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности, исторически сложившимися системами расселения.
4. Рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как органической части комплекса современных социокультурных и экономических процессов [1; 2, 7].

На наш взгляд, культурное наследие можно и нужно использовать в следующих целях:

1. Политические цели и задачи: усиление общественного согласия, поддержание мира и стабильности в стране, сохранение культурного многообразия, формирование национальной идеи, идеологии нашего государства. Люди, населяющие любую определенную территорию, должны иметь свои культурные святыни, иметь целостное представление о своем культурном историческом прошлом, что способствует устойчивому развитию общества и отдельных его ячеек.
2. Социально-экономические цели и задачи: развитие территорий за счет потенциала культурного наследия: создание новых «кластеров» экономики для населения конкретных территорий, выстраивание эффективных социальных стратегий, направленных на преодоление бедности, расширение рынка культурных услуг и продуктов, развитие туризма, материальной базы культуры.
3. Мировоззренческие цели и задачи: определение идентичности той или иной конкретной местности. Именно культурное наследие порождает для каждого местного сообщества чувство места, различия и уникальности. На наш взгляд, нельзя не согласиться с И.И. Митиным

[3], который подчеркивает, что каждое место – это не просто реально наблюдаемые объекты, признаки, элементы, характеристики. Каждое место воспринимается и интерпретируется. Объективно создается множество реальностей одного места. Эта множественность достигается обращением к разным аспектам самого места, в том числе и к находящемуся там культурному наследию, а также множественностью авторов. В результате создается метапространство, в котором каждое место предстает не только через реально наблюдаемые объекты, но в большей степени – посредством их оценок и интерпретаций. А они возникают, как правило, на базе культурного наследия, привязанного к данному месту. Современные реалии места, включая и элементы культурного наследия, создают доминанты его характеристики. Стремиться надо не к полноте описания, а к его целостности. Для этого надо отбирать признаки. А отбор всегда субъективен. Следовательно, представление места с точки зрения культурного наследия неизбежно становится множественным. И именно эта множественность создает имидж конкретной территории.

Между этими тремя целями может быть согласие, а может быть и конфликт в способе их достижения. Последнее ни для общества, ни для конкретных территорий не желательно. А это значит, что реализацию этих целей надо жестко контролировать. Это с одной стороны. С другой, их должно хорошо понимать население той или иной конкретной территории. А это следствие того, что одно и то же культурное наследие может восприниматься по-разному в разном пространственно-временном и общественном континууме. Поэтому в решении проблемы использования культурного наследия необходима разработка критериев оптимальности выбора путей использования культурного наследия, формулирования дисциплинирующих условий, составления списка альтернатив, принятия решения, выполнения решения и оценка результатов.

Решение всех этих проблем упирается в необходимость ответа на вопрос о том, что есть культурное наследие.

В зарубежной справочной литературе, как и в русской, анализ термина «культурное наследие» отсутствует, несмотря на то, что словосочетание «культурное наследие» широко употребляется в Конвенциях ЮНЕСКО, научной литературе. На наш взгляд, это говорит о том, что словосочетание «культурное наследие» на сегодняшний день еще не является научным понятием, так как не существует его понятийного определения, которое разделяло бы научное сообщество. Такая неопределенность приводит на практике к многочисленным недоразумениям. Возникают споры о том, относится ли тот или иной объект к культурному наследию, насколько обосновано отнесение конкретных объектов к таковым и т.д. Иными словами, требуется корректное введение в оборот понятия «культурное наследие», выделение в нем различных аспектов, в том числе и рассмотрение культурного наследия как объекта изучения географии культуры. Понятие «культурное

наследие» не просто должно быть введено, но и помещено в контекст развития науки.

Хорошо известно, что в существующих международно-правовых актах не дается универсальных дефиниций используемых понятий. Как правило, в каждом правовом акте, исходя из конкретных целей и задач принимаемого документа, содержатся свои определения. Тем не менее, в правовых актах ЮНЕСКО можно выделить наиболее употребительную характеристику культурного наследия. Знакомство с более чем сотней международно-правовых актов, которые регламентируют вопросы выявления, сохранения, охраны, изучения и популяризации культурных ценностей, показывает, что в них употребляется два словосочетания: культурные ценности и культурное наследие. Сравним эти определения.

Таблица 1

Определения понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» в Конвенциях ЮНЕСКО 1954 и 1972 гг.

Ст.1 Гагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта	Ст.1 Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г.
<p>Культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:</p> <p>а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие, как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;</p> <p>б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте а,</p> <p>в) центры, в которых имеется значительное количество культурных</p>	<p>Под «культурным наследием» понимаются:</p> <p>памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;</p> <p>ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;</p> <p>достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.</p>

ценностей, указанных в пунктах а и б, так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей».
--

Можно согласиться с М.М. Богуславским, который подчеркивает, что по своему значению понятия, применяемые в процитированных выше конвенциях, однозначны [4, 23], но, на наш взгляд, с оговоркой, что под однозначностью понимается однозначность функциональная (оба определения направлены на регулирование одних и тех же сторон жизни человека). Если исходить из перечня объектов, раскрывающих понимание соответствующих терминов в конвенциях, то можно сделать вывод, что объем понятия «культурные ценности» является более широким, чем объем понятия «культурное наследие», поскольку в последнее не включено все то, что подпадает под понятие движимых ценностей, например, книги, научные коллекции и др.

Оба определения сконструированы путем перечисления объектов, интересующих авторов конвенций, а не путем выделения существенных и отличительных признаков понятия. Иными словами, с точки зрения формальной логики, данные определения считаться таковыми не могут, и могут использоваться исключительно для целей, преследуемых конвенциями. Вышеприведенный список культурных ценностей, как и культурного наследия, может постоянно пополняться (практически, он ничем не ограничен), что и было сделано в последующих конвенциях ЮНЕСКО.

Международная практика сохранения культурного наследия неизбежно привела к необходимости определения понятия «нематериального культурного наследия». В Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 г.) соответствующее понятие расшифровывается следующим образом: «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, - а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, - признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой, их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчества человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития... «Нематериальное культурное наследие»... проявляется, в частности, в следующих областях: (а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; (б) исполнительские искусства; (с) обычаи, обряды, празднества; (d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; (е) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами (раздел I, ст.2, п.1-2).

Конкретное перечисление элементов культурного наследия строится (неявным образом) на оценке их ценности. Но дело в том, что обобщенная ценностная оценка всегда расплывчата. Иначе и быть не может. Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования приводит и к множеству оценок: то, что для одного индивидуума имеет большую ценность, для другого – малую или вообще никакой. Это же относится к разным этносам, разным способам освоения человеком действительности, разным уровням развития общества и т.д. Как правило, в ценностях положительные стороны преувеличиваются, а негативные преуменьшаются. Необходимо также учитывать: то, что сегодня является ценностью, завтра может перестать быть ею, а то, на что сегодня не обращают внимания, завтра может оказаться ценностью ведущей. Могут измениться и параметры, по которым тот или иной объект был отнесен к культурному наследию, и тогда этот объект перестает считаться таковым.

Все вышеизложенное убедительно доказывает, что в расшифровке термина «культурное наследие» нельзя идти по пути перечисления объектов, (то есть состава культурного наследия). В противном случае мы, во-первых, неизбежно уйдем в бесконечность; во-вторых, в связи с постоянным развитием общества и изменением принятых в нем ценностей, нам придется все время это перечисление корректировать. В определении культурного наследия необходимо переходить на уровень логических обобщений.

Анализ федерального закона от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями от 27 февраля 2003 г., 22 августа, 29 декабря 2004 г., 3 июня, 31 декабря 2005 г.) позволяет сделать следующие выводы. Как и в конвенциях ЮНЕСКО, в федеральном законе идет перечисление объектов культурного наследия, причем в некоторых случаях даже более подробное, чем в конвенциях. Однако, в принципе их содержание совпадает, когда речь идет о материальном культурном наследии. А вот термин «нематериальное культурное наследие» в законе Российской Федерации отсутствует. Таким образом, в отечественном законе отсутствует какое-либо принципиально новое понимание культурного наследия. Более того, новейшие достижения международного права, связанные со введением в оборот понятия «нематериальное культурное наследие», в действующем законе не учтены.

Обратимся к теоретическим работам по проблеме понимания культурного наследия. Некоторые отечественные ученые попытались дать определение понятия «культурное наследие». Так, Ю.Л. Мазуров пишет: «К числу базисных (базовых) показателей правомерно относить ментальность, национальный характер, культурные традиции, верования и т.п. Все это вместе взятое составляет культурное наследие. Определим его как объекты и явления материальной и духовной культуры народов, имеющие особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность для обеспечения социальной преемственности поколений» [5, 98].

А.В. Лисицкий предложил такой вариант: «материальное культурное наследие (как впрочем и духовное) представляет из себя прежде всего сложную

социокультурную систему, подчиненную синергетическим законам, активно взаимодействующую со средой и временем и несущую определенную, меняющуюся во времени и пространстве информацию» [6, 14].

Сложившаяся исследовательская ситуация требует довести анализ словосочетания «культурное наследие» до уровня научного понятия. Предлагаем следующее определение. **Культурное наследие** – это отнесенные к определенному пространству и времени типичные и уникальные образцы всех сторон материальной и духовной деятельности народа. В современных энциклопедических словарях типичное определяется как «наиболее вероятное для данной конкретной системы объективного мира» [7, 455; 8, 1341], а уникальный - как «единственный в своем роде, исключительный» [8, 1394].

Данное определение понятия «культурное наследие» охватывает как материальное, так и духовное культурное наследие. Оно полностью включает в себя все объекты, которые в Конвенциях ЮНЕСКО относятся к культурному наследию. При этом оно также учитывает и то, что перечень объектов культурного наследия постоянно пополняется и в принципе неисчерпаем. Вся последующая история развития человечества будет связана с расширением объема понятия «культурное наследие», так как в процессе развития общества будут постоянно открываться новые объекты культурного наследия. Нам кажется особенно важным подчеркнуть, что понятие «культурное наследие» включает не только движимые и недвижимые материальные объекты, но и все то, что входит и в духовную культуру, и в сплав материального и духовного: нравственные и эстетические нормы разных народов, живших в разных географических условиях и в разные исторические эпохи; нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные обычаи и традиции, традиции и обычаи, обусловленные географическими условиями проживания людей, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла и т.д.

В данном нами определении культурного наследия реализовано единство двух подходов – географического (пространственного) и исторического (хронологического). Отсюда вытекает вывод, что каждый объект культурного наследия обязательно должен быть вписан в контекст той исторической эпохи, когда он был создан.

Обозначим объем понятия культурного наследия через N , где N - конечно, но не определено, причем поиск численного значения N не является корректной задачей, ибо он предполагает, что анализ культурного наследия может быть исчерпаемым. В заключение остановимся на соотношении типичного и уникального как элементов культурного наследия. Если число типичных образцов обозначить через m , а уникальных – через p , то $m + p = N$. Соотношение между m и p внутри N может меняться как за счет перехода части объектов m в p , так и обратного перехода объектов p в объекты m .

Данное нами определение понятия «культурное наследие» позволяет более детально провести классификацию объектов культурного наследия, избежать ненужных дискуссий по вопросу отнесения того или иного объекта к культурному наследию, обратить внимание на необходимость постоянной

деятельности по переводу объектов из «настоящего» в разряд культурного наследия, рассмотреть культурное наследие как объект изучения различных наук, в том числе культурной географии. Все это будет способствовать реализации научного подхода в анализе роли культурного наследия в устойчивом развитии регионов.

Список использованной литературы:

1. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. Геогр. – 1992. - №3. – С.90-99.
2. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. – 620с.
3. Митин И.И. Мифогеография множественных реальностей российских регионов // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. статей. – Вып.2. Из истории Южного Урала и российских регионов. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – 604с. – С.13-19.
4. Богуславский, М.М. Международная охрана культурных ценностей [Текст] / М.М. Богуславский. – М.: Международные отношения, 1979. – 192с.
5. Мазуров, Ю.Л. Теоретические и прикладные аспекты изучения природного и культурного наследия [Текст] / Ю.Л. Мазуров // Известия Российской академии наук. Серия Географическая. - 2005. - №6. – С.95-101.
6. Лисицкий, А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития. Диссертация на соискание уч. степ. кандидата культурологии: 24.00.01 [Текст] / А.В. Лисицкий. – М., 2004. – 151с.
7. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: ИНФРА-М, 2001- 576 с.
8. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1981. – 1600 с.

Попова О.Б. Система региональных геоэкологических методов оценки и прогнозирования тепловых ресурсов

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Современное состояние методической базы, требуемой для оценки и прогнозирования термических условий конкретного степного района, не всегда соответствует требованиям к точности, оперативности или долгосрочности существующих расчетных схем. Это предопределяет необходимость периодического усовершенствования показателей и методов, используемых для указанных целей, посредством модернизации существующих методических моделей и разработки новых методов определения как комплексных показателей термического состояния степных ландшафтов, так и отдельных метеорологических элементов последнего.

Поскольку существующие методики оценки и прогнозирования термических условий местности имеют выраженную региональную специфику, то задачей выполненнх исследований явилось формулирование и реализация концептуальных основ по анализу пригодности используемых в настоящее время показателей и методов определения термических условий в южно-уральском регионе, в том числе в степных геосистемах.

В частности, инновации могут заключаться: в обосновании регионально специфичных главных предикторов, используемых для прогнозирования, к примеру, - соответствующих дат устойчивого перехода среднесуточной температуры воздуха через $0,5, 10^{\circ}\text{C}$ (D_0, D_5, D_{10}) весной и осенью; в выявлении особенностей внутрисезонного распределения термических ресурсов и в установлении взаимосвязей между последними и D_0, D_5, D_{10} ; в установлении степени теплообеспеченности заданных типов природно-антропогенных ландшафтов в течение теплого сезона года; в определении направлений и форм использования планируемых к разработке новых методов оценки и прогнозирования термических ресурсов и теплообеспеченности объектов социально-хозяйственной сферы Южного Урала.

Анализ существующих способов определения основных метеорологических факторов, влияющих на тепловые ресурсы (ТР) и теплообеспеченность (ТО) [6], показывает, что при оценках и прогнозировании последних в качестве ведущего расчетного элемента можно использовать температуру воздуха, вследствие ее тесных связей с суммарной радиацией и радиационным балансом, обуславливающими последнюю.

В связи с вышесказанным, за базовые приняты следующие метеорологические показатели: даты перехода среднесуточных ТР через $0,5, 10^{\circ}\text{C}$ (D_0, D_5, D_{10}) весной и осенью; суммы активных ТР, накапливаемые за период между D_0, D_5, D_{10} от весны к осени.

Значения указанных метеорологических элементов проанализированы нами за ряд наблюдений (с 1966 по 2003 годы), проводившихся на ГМС

Оренбург, Оренбургского областного центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды [1,4,5].

На основании выявленных автором региональных закономерностей и выявленных предварительных зависимостей, аналогичных [7,8,9], между установленными предикторами и предиктантами, необходимыми для оценки и прогнозирования ТР природных и техногенных ландшафтов, представляется возможной оценка, в том числе на перспективу, ТР за сезонные и различные внутрисезонные периоды – рисунок 1.

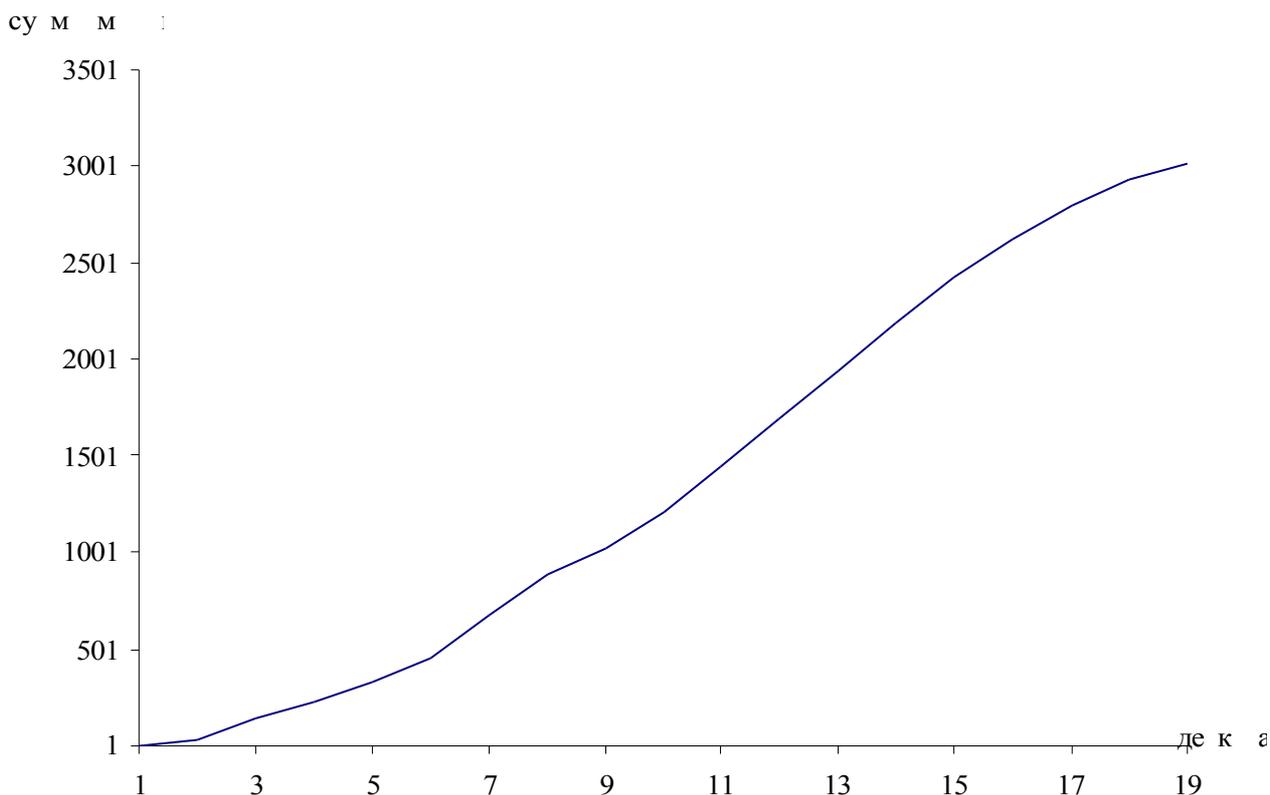

Рисунок 1. Среднемноголетний ход сумм тепловых ресурсов за теплый сезон года от D_0 весной до D_0 осенью по ГМС Оренбург

При этом в качестве главных предикторов приняты стандартно наблюдаемые Росгидрометом метеорологические показатели - D_0 , D_5 , D_{10} , как имеющие тесные связи с суммами термических ресурсов и теплообеспеченностью, а также ввиду того, что по результатам исследований [2,3 и др.] срок схода снежного покрова весной или его залегание в предзимье хорошо согласуется с датой устойчивого перехода среднесуточной температуры воздуха через 0°C , соответственно, весной и осенью.

Этими же исследованиями установлено, что большинство многолетних и однолетних природных и культурных фитоценозов начинают вегетировать или высеваться после даты перехода через 5°C весной. К тому же, датами (D_5)

весной и осенью ограничен вегетационный период большинства агроценозов южных районов России, в том числе и Оренбуржья.

Практическое совпадение с D_{10} наблюдается и у сроков возобновления вегетации теплолюбивой естественной растительности и дат посева почти всех технических культур, таких как сахарная свекла, подсолнечник и других. Со временем наступления D_{10} в конкретных климатических условиях также хорошо согласуются сроки начала и окончания отопительного сезона в населенных пунктах.

Применение предикторов в виде D_0 , D_5 , D_{10} по данным [10] увеличивает долгосрочность прогнозирования и повышает оправдываемость специальных прогнозов (к которым относится и прогноз ТР), уменьшает зависимость последних от долгосрочных прогнозов погоды, зачастую не учитывающих региональные климатические и другие факторы, влияющие на точность и надежность подобных прогнозов.

Поскольку даты устойчивого перехода температуры воздуха через заданные термические пределы являются типовыми метеорологическими параметрами, наблюдаемыми на государственной сети гидрометеорологических станций, то они могут и должны широко использоваться в социально-хозяйственной сфере любого региона как базовые элементы при определении теплового режима, термических ресурсов и теплообеспеченности местности, во многом предопределяющих процессы изменчивости природно-техногенных ландшафтов. Однако, определение и тем более прогнозирование значений D_0 , D_5 , D_{10} и ТР, особенно на значительную перспективу, представляют до настоящего времени серьезную проблему.

Таблица 1. Результаты приведения D_0, D_5, D_{10} весной и осенью к единому арифметическому ряду (по данным ГМС Оренбург)

	Весна						Осень					
	D_0		D_5		D_{10}		D_{10}		D_5		D_0	
Среднее многолетнее	30.мар	89	12.апр	102	24.апр	114	29.сен	88	17.окт	106	06.ноя	125
max	14.апр	104	01.май	121	08.май	128	18.окт	110	07.ноя	126	25.ноя	148
min	14.мар	73	29.мар	88	08.апр	98	10.сен	69	27.сен	86	10.окт	99
amplituda		31		33		30		41		40		49

Результаты приведения фактических значений дат устойчивого перехода температуры воздуха через заданные пределы ($0, 5, 10^{\circ}\text{C}$) весной и осенью по ГМС Оренбург, представленные в таблице 1., показывают, что, в среднем, наступление и окончание теплого (вегетационного) периода может колебаться в следующих пределах: для D_0 - 31, D_5 - 33, D_{10} - 30 дней, а в среднем – 31 день весной; для D_0 – 44, D_5 - 40, D_{10} – 49 дней, а в среднем – 43 дня осенью.

Наличие таких значительных отклонений величин D_0, D_5, D_{10} от их нормы показывает неприемлемость использования среднемноголетних величин

конкретных D весной и осенью для заданных периодов, а требует непрременной оценки и прогнозирования параметров D_0, D_5, D_{10} за установленные периоды теплого сезона.

Литература

1. Агromетeорологический ежегодник. / Приволж. терр. упр. по гидрометеорологии и контролю природной среды. Гидрометеорол. Центр. – Куйбышев, Самара: Приволжскгидромет, 1966-1989. – Вып. 12. Оренбургская область.
2. Вериго, С. А. Методика составления прогноза запасов продуктивной влаги в почве и оценка влагообеспеченности зерновых культур / С. А. Вериго // Сб. метод. указаний по анализу и оценке сложившихся и ожидаемых агromетeорологических условий.- Л. : Гидрометеоиздат, 1957. - С. 143-164.
3. Зоидзе, Е. К. Методологические основы оценок сельскохозяйственного потенциала агromетeорологических условий и почвенно-климатических ресурсов территории : дис. ... докт. геогр. наук / Е. К. Зоидзе. - М., 1998. - 75 с.
4. Климатологический справочник СССР. – Л. : Гидрометеоиздат. – Вып.12. – Ч. 1. - 1954. – 431 с.; ч. 2. – 1954. – 639 с.; ч. 5. – 1956. – 379 с.
5. Материалы наблюдений Оренбургского областного центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды за 1950-2003 гг.
6. Попова, О. Б. Современные методы определения термического состояния аридного региона / О. Б. Попова // Материалы регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Оренб.обл.. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. – С. 176-177.
7. Рычко, О. К. Агromетeорологические концепции и методы мониторинга экологических условий функционирования агроландшафтов в аридных регионах / О. К. Рычко // Проблемы региональной экологии. – 1997. - № 4. – С. 32-47.
8. Рычко, О. К. Возможные нововведения в методологию и терминологию систем географического прогнозирования и геоэкологического мониторинга / О. К. Рычко // Оптимизация природопользования и охрана окружающей среды Южно-Уральского региона: тезисы докл. Рос. науч. - практ. конф. - Оренбург: ОГУ, 1998. – С. 22-24.
9. Рычко, О. К. Методологические основы прогнозирования тепловлагообеспеченности и фенологических условий вегетирования природных и агросистем в аридных регионах Средней Азии / О. К. Рычко. - Бишкек : КиргНИИНТИ, 1992. - 56 с.
10. Рычко, О. К. Методы прогнозов теплообеспеченности, фаз развития и оптимальных режимов орошения сельскохозяйственных культур в Киргизской ССР / О. К. Рычко. - М. : Гидрометцентр СССР, 1985. - 24 с.

Русинова М.П. Географические исследования Урала во второй половине 19 века

Уральский Государственный Педагогический университет, Екатеринбург

Ко второй половине 19 века Уральский регион по-прежнему оставался недостаточно изученным. Последними крупными исследованиями, проводимыми Академией наук, были экспедиции начала 1850 гг., под руководством Гофмана и Гельмерсона. Все последующие поездки носили эпизодический характер и были направлены на изучение какого-либо одного компонента природы. Тогда как комплексная характеристика Урала отсутствовала.

Подобная ситуация послужила стимулом к созданию научного общества непосредственно внутри региона. Им стало Уральское Общество Любителей Естествознания (УОЛЕ), основанное в 1870 г. в Екатеринбурге. Целью своей деятельности оно объявило «изучение Уральского края в естественно-историческом отношении и распространение знаний о нем». К осуществлению этой цели УОЛЕ приступило незамедлительно. Общество объединило в своих рядах интеллигенцию, промышленников, купцов, священнослужителей и крестьян. Руководителем УОЛЕ стал преподаватель французского языка Екатеринбургской мужской гимназии О.Е. Клер. В число наиболее известных членов общества можно отнести Н.К. Чупина, Н.Н. Новокрещенных, Г.Ф. Абельса, В.И. Обреимова, А.А. Миславского, Д.И. Мушкетова. В качестве почетных членов в обществе состояли такие известные люди, как Д.И. Менделеев, П.П. Семенов-Тян-Шанский, А.П. Карпинский, А.Э.Брэм и др.

Наиболее активные исследования велись в области геологии, метеорологии, ботаники и зоологии.

Метеорологические исследования активно развернулись практически сразу же после создания общества. На общем собрании УОЛЕ 30 мая 1871 г. говорилось: «В числе первых занятий Общества должно находиться исследование климатических условий различных пунктов Уральского края». Изначально перед обществом встала задача создания сети метеостанций и организация систематических наблюдений. В период с 1870 по 1880 гг. были созданы наблюдательные пункты в Невьянске, Ирбите, Перми, Верхотурье, Далматове. На конец 1891 г. в ведении УОЛЕ было 28 станций в Пермской губернии. Число их продолжало расти и в 1914 г. достигло уже 50. Наблюдательные пункты давали широкую картину распределения осадков и разнообразия климата Пермской губернии. Результаты наблюдений публиковались в «Метеорологическом бюллетене». Наибольший интерес представляют исследования Г.Ф. Абельса, который осуществлял многолетние наблюдения за количеством осадков в Пермской губернии. Благодаря тщательному анализу полученных результатов им был сделан вывод о барьерной роли Уральских гор в распределении осадков.

С самых первых заседаний УОЛЕ вопросы изучения края в геологическом отношении ставились очень активно. Общество быстро установило связи с Императорским Минералогическим обществом, что способствовало довольно быстрому развитию этого направления. К числу наиболее выдающихся исследований можно отнести работу Д.И. Мушкетова по классификации минералов. Все они были разделены на 5 классов на основании чисто химическом, классы делились на отделы, которые в свою очередь подразделялись на группы по кристаллографическим признакам.

Членами общества был описан целый ряд месторождений полезных ископаемых, а также составлена подробная карта. Большой интерес представляют и палеонтологические исследования, особенно работа М.Д. Залесского «Гондванская флора бассейна реки Печоры». На реке Печоре было обнаружено соприкосновение двух различных флор пермского времени – Европейского и Гондванского. Был определен возраст слоев – верхняя пермь (цехштейн). Также в статье приводится подробное описание растительных остатков – Equisetales, Linopteridae, Cordaitales. Это открытие представляет большой интерес для современных исследователей. Как известно еще в карбоне наметилась четкая дифференциация растительного мира, связанная с климатической зональностью. По данным советского палеоботаника А. Н. Криштофовича, с середины каменноугольного периода на земной поверхности обособляются три флористические области: 1) северная, охватывающая Северную Европу и Азию; 2) средняя, куда входила Северная Америка, Южная и Центральная Европа и Южная, Центральная и Юго-Восточная Азия; 3) южная, включающая Южную Америку, Африку, Индию и Австралию. Наличие смешенного типа флоры может свидетельствовать в пользу того, что территория бассейна реки Печора занимала промежуточное положение между Гондваной и Лавразией и могла располагаться на юге.

В фаунистическом и флористическом отношении Урал был изучен очень слабо. Наблюдения производились любителями – натуралистами или учеными - путешественниками и носили эпизодический характер. УОЛЕ активно начинает разработку этого направления, и самый большой вклад здесь принадлежит самому создателю УОЛЕ – О.Е. Клеру. Уже в первом томе «Записок» он публикует «Программу по ботанике», «Инструкцию о наблюдениях над периодическими явлениями в жизни растений» и «Инструкцию к составлению и сохранению ботанических коллекций». В ней было дано определение понятия «гербарий» - собрание высушенных растений, спрессованных и расположенных между листами бумаги, и даны определенные указания по сбору растений.

Клер одним из первых обратил внимание на то, что разные явления в жизни растений, например, цветение одного и того же вида начинается раньше на юге и постепенно продвигается к северу, более или менее параллельно градусам широты, или, вероятнее, изотермам весенних месяцев. В дальнейшем Клером же были опубликованы «Материалы о флоре Уральского края», в которых он приводит список определенных им семейств и видов. Так им были определены растения таких семейств, как лютиковые, кувшинковые,

росянковые, дымянковые, крестоцветные, фиалковые, гвоздичные, истодовые, мальвовые, гераниевые, бобовые, розоцветные, колокольчиковые, крапивные и многие другие.

Трудами членов УОЛЕ был сделан определенный вклад и в изучение фауны Урала и некоторых близлежащих территорий – Тобольской и Вятской губернии. В музее общества были собраны богатые коллекции и каталоги. Часть каталогов публиковалась в «Записках УОЛЕ» - «Каталог моллюскообразных, членистоногих и мягкотелых, принадлежащих музею УОЛЕ». Особенно большой интерес представляло изучение энтомофауны. В «Записках» был опубликован целый ряд работ Ю.М. Колосова под общим названием «Материалы к познанию энтомофауны Урала».

Работа Общества по изучению Урала настолько обширна, что описать ее всю в одной статье просто невозможно. В качестве главных результатов хочется отметить организацию метеонаблюдений по всему Уралу и анализ полученных результатов; создание карты месторождений полезных ископаемых; открытие многих новых видов растений.

Членами общества издавались «Записки УОЛЕ», где каждый желающий мог опубликовать статью по той или иной проблеме. Также УОЛЕ имело свой музей, с экспозициями различной тематики.

После закрытия общества многие его секции стали развиваться самостоятельно, часть преобразовалась в НИИ. Во многом именно благодаря деятельности УОЛЕ, Екатеринбург стал крупным научным центром, каким он является и сейчас.

Смирных А. Г. О значении и возможностях склоновых террасных ландшафтов в практике Северного виноградарства (на примере г. Бузулука)

**Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург**

Ф.Н.Мильков выделяет два уровня ландшафтной организации сельскохозяйственных комплексов: собственно сельскохозяйственные ландшафты и сельскохозяйственные ландшафтно-инженерные системы. [1]. Первые представляют собой кратковременные, регулируемые человеком комплексы. Хотя они созданы человеком, но тем не менее, являются природными комплексами. Будучи предоставленными самим себе, они за относительно короткий промежуток времени возвращаются в исходное состояние.

Сельскохозяйственные ландшафтно-инженерные системы состоят по Ф.Н.Милькову из двух блоков: сельскохозяйственного ландшафта (компонентная система) и активного инженерного сооружения. Склоновые террасные ландшафты виноградников и садов по степени воздействия человека на природу можно отнести к литогенным сельскохозяйственным ландшафтам, претерпевшим коренную перестройку почв и грунтов, иначе говоря, к террасированным ландшафтам крутых склонов.

Террасирование всегда было тяжелым, затратным, но экономически оправданным, приложением труда. Еще на заре земледелия древние аграрии заметили, что на склонах южных экспозиций, обращенных к солнцу, можно получать более ранние, полновесные урожаи, выращивать более теплолюбивые культуры. Это важное наблюдение сыграло большую роль в продвижении на север ареалов возделывания ряда важных сельскохозяйственных культур, в том числе и винограда.

На территории Российской Федерации, возможно, первое значительное устремление виноградной лозы к северу произошло в пределах Хазарского каганата, существовавшего в VIII-X в.в. на Нижней Волге и в Волго-Донском междуречьи [2]. По сообщениям арабского географа Идриси здесь находились виноградники на пределе своего тогдашнего распространения [3]. Есть основания считать, что тут, впервые на территории нашей страны стали накапливаться знания и навыки возделывания лозы с учетом рельефа в условиях холодных зим, разрабатывались технологии защиты насаждений различными видами укрывного материала.

В Оренбуржье впервые указал на возможность выращивания винограда известный естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас. Во время своего путешествия по Южному Уралу он посетил в 1769 г. Бузулукскую крепость и оставил интересные описания как самого поселения, насчитывавшем тогда около двух сотен дворов и две церкви, так и его окрестностей. После обследования правого крутого склона долины

р. Самара в Журнале путешественника появляется такая запись: «Все, вверх по р. Самаре простирающееся и гористый ее берег, составляющие холмы, имеют столь хорошее положение и отчасти столь способную землю, что к насаждению винограда не можно найти лучшей страны в Российской империи: и конечно бы удалось здесь развести виноградные сады, если бы искусные в таком деле садовники сделали опыт с виноградом, который удобно растет на иловатой земле [4]. Делая такой вывод, академик учитывал, что на пределе распространения теплолюбивых культур, нередко решающим фактором, определяющим возможность их возделывания, являются микроклиматические условия. А последние определяются, как правило, экспозицией, высотой и крутизной склоновых земель, механическим составом слагающих их почв и грунтов. На родине Палласа в Германии, как в его бытность, так и в наши дни плантации винограда располагаются, как правило, в верхней трети склонов речных долин южной, юго-западной экспозиций. Весьма показательна в этом отношении практика виноградарства в Рейнской долине, имеющая богатые исторические традиции. В отечественной литературе есть также указание на то, что благоприятные микроклиматические условия создаются на склонах южных и юго-западных экспозиций крутизной 20-25° с супесчаными и скелетными почвами [5].

Срединная часть Оренбургской области располагается примерно между 52° и 53° с.ш.. В табл.1 помещены сведения из СНиП 23-01-99 о суммарной солнечной радиации, поступающей на горизонтальную и вертикальную поверхность при безоблачном небе. Также приводится поправочный коэффициент к солнечной радиации, приходящей на горизонтальную поверхность для склонов южной ориентации крутизной 20° на 52° с.ш.. [6]. Террасы можно рассмотреть как чередование горизонтальных и крутосклонных поверхностей. Поэтому в таблице помещены сведения о поступлении солнечной радиации и на вертикальные поверхности различных экспозиций. Анализ помещенных в таблице данных позволяет сделать несколько выводов:

1. В среднем, в течении года, на склон южной экспозиции крутизной 20° приходится в 1,3 раза больше суммарной солнечной радиации при безоблачном небе, нежели на горизонтальную поверхность и в 1,24 раза больше чем на вертикальную поверхность южной ориентации.
2. Вертикальная поверхность южной ориентации получает солнечной радиации в 1,07 раза больше нежели ЮВ или ЮЗ ориентации и значительно больше остальных.
3. Особо следует выделить повышенный термический режим в августе-октябре, поскольку это позволяет продлить вегетационный период, увеличить сумму активных температур выше +10°C и возделывать не только очень ранние и ранние сорта винограда, но и более ценные, среднего срока созревания [7].

Следует дать описание объектов возможного склонового террасного возделывания винограда и плодово-ягодных культур. В Оренбуржье это прежде всего, так красочно описанный П.С. Палласом природный объект, именуемый местными жителями «Сухореченские горы». Этот природный объект

представляет собой живописные урочища поросшие лесом и кустарником луга и овраги на высоких правобережных склонах долины р. Самары напротив г. Бузулук.

Почвообразующие породы здесь представлены песчаниками, аргиллитами, конгломератами, слоистыми песками, что благоприятно для виноградарства. Имеются многочисленные выходы грунтовых вод. Общий уклон местности в сторону р. Самары. Соответственно этому урочища имеют западное, северо-западное и юго-западное простирание. Начинаются они у отметок горизонталей 140-200 м., а заканчиваются в тылу правобережной Самарской поймы с отметками 70-75 м. Перечислим те из них, которые имеют благоприятные для террасирования склоны, обращенные на юг: (см.рис.1 и 2).

- Урочище Столорево; с выходами грунтовых вод на отметке 130 м. На протяжении около 500 м. Возможно создание нескольких террас на склоне, обращенном на юго-запад вниз от горизонтали 175 м.
- Урочище Жалыбино; по склону южной экспозиции вниз от горизонтали 200 м. На протяжении 350 м. террасирование.
- Урочище Бегуново; с родником на отметке 130 м. вниз от горизонтали 200 м. террасирование на протяжении 300 м. по южному склону.
- Урочище Крутая Яруга; с выходом грунтовых вод на отметках 164,5 м., 123,7 м., 100,5 м., 82,6 м.. По склону юго-западной экспозиции вниз от горизонталей 175 м. возможно создание нескольких террас протяженностью более 1 км.
- Урочище руч.Илюшкин; с выходами грунтовых вод на отметке 127,5м. на южном склоне вниз от горизонтали 175 м. на протяжении 800м. несколько террас.
- Урочище без названия; вниз от горизонтали 165м. по южному склону на протяжении 600м.
- Урочище Атаманская гора; вниз от горизонтали 160м. по склону южной экспозиции на протяжении 400м.
- Урочище овр. Липуша; к западу от оврага на южном склоне от горизонтали 150м. на протяжении 1 км. и к востоку от оврага на склоне юго-западной экспозиции от горизонтали 125 м. на протяжении 750м.

Обобщая вышесказанное, следует сделать вывод что благоприятные микроклиматические условия, почвы и грунты создают предпосылки для развития здесь , при наличии емкого рынка потребления, весьма перспективного района товарного виноградарства и садоводства.

Но этим не исчерпывается значение «Сухореченских гор». Необходимо полнее раскрывать рекреационный потенциал этого ценного памятника природы. [8].

Литература:

1. Мильков Ф.Н. Физическая география. Учение о ландшафте и географическая зональность. Воронеж: Изд.Воронежского университета, 1986.
2. Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976

3. Заседателева Л.Г. Терские казаки. М.: Изд. МГУ, 1974
4. Паллас П.С. Путешествие по различным губерниям Российской империи, кн.1, изд.2 СПб, 1809
5. Коваль Н.М. и др. Настольная книга виноградаря. Киев, 1978.
6. Кондрашьев К.Я. , Пивоварова З.И., Федорова М.П. Радиационный режим наклонных поверхностей. – Л.: Гидрометиздат. 1978.
7. Темный М.М., Темная Т.М. Энциклопедия виноградаря. Ростов-на-Дону.: Изд.Проф-Пресс, 2003.
8. Зеленая книга Оренбургской области. Под редакцией А.А. Чибилева. Оренбург.: Изд. ДиМур, 1996.

Рис.1 Расположение урочищ «Сухореченских гор» (северный массив)

Рис.2 Расположение урочищ «Сухореченских гор» (южный массив)

Таблица 1.

Приход суммарной солнечной радиации (прямой и рассеянной) при безоблачном небе на горизонтальную поверхность, на склон южной ориентации крутизной 20° и на вертикальную поверхность на 52° с.ш., мдж/м²

Месяц	Горизонтальная поверхность	Поправочный коэффициент для склона южной экспозиции 20°	Склон южной экспозиции 20°	Вертикальная поверхность, ориентация				
				С	В/З	ЮВ/ЮЗ	Ю	СВ/СЗ
Январь	164	2,26	371		143	371	495	
Февраль	270	1,76	475		210	424	566	
Март	528	1,43	755		365	572	692	152
Апрель	678	1,2	814	110	459	557	558	243
Май	850	1,08	918	176	512	573	497	332
Июнь	880	1,02	898	206	512	514	427	370
Июль	882	1,04	917	212	518	511	452	340
Август	719	1,14	820	130	457	542	520	268
Сентябрь	540	1,31	707		371	530	584	191
Октябрь	344	1,62	557		263	490	611	110
Ноябрь	194	2,0	388		166	392	543	
Декабрь	126	2,7	340		121	543	475	
Σ год	6175	-	7960	834	4097	6019	6420	2006

Трофимова И.В. Сельское расселение: проблема анализа, прогноза и управления

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

Переход нашего общества к рыночной экономике, новым формам хозяйствования и сложившаяся в стране ситуация, ставят задачу при разработке и реализации социальных и экономических программ, учитывать прямые и косвенные последствия изменений характера расселения населения. Вопрос о том, возможно ли управлять расселением – является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Известно, что любые социально-экономические меры, воздействующие на демографические процессы не прямо, а косвенно влияют на расселение, так же как и расселение влияет на хозяйственную деятельность. Поэтому глубокий анализ расселения населения региона, включая и сельское расселение, является одним из наиболее актуальных направлений современной экономической и социальной географии.

Первые исследования в области расселения велись в условиях очень скудной информации о наличии поселений в различных регионах страны. И только после 60-х годов XX в. впервые появилась информационная база более широкого изучения и картографирования сельского расселения. В тот период быстро возрос интерес к проблемам сельской местности и сельскому расселению. В 60-е годы, используя информационную базу переписи 1959 г., географы создали региональные характеристики сельского расселения для Дагестана (К.П. Сергеева), Азербайджана (Ш.Ю. Геокчайский), Грузии (В.Ш. Джаошвили), Киргизии (Г.С. Гужин).

Весомый вклад в изучение расселения внесли Н.Н. Баранский, С.А. Ковалев, В.В. Покшишевский, Б.С. Хорев, Г.С. Гужин, Г.М. Лаппо, П.М. Полян, Ж.А. Зайончковская, А.И. Алексеев, Ю.В. Поросенков и др.

Региональной динамике сельского расселения посвящены множество диссертаций: Р.М. Кабо (1946), И.Н. Тесниной (1947), Ф.З. Мичуриной (1976,1998), Н.В. Чугуновой (1985), В.В. Кузнецова (1986), Л.П. Белозеровой (1987), П.П. Туруна (1995), А.Э. Крупко (1998), Н.Н. Праздниковой (2001), В.В. Уставщикова (2003), Н.Я. Богорскуковой (2004), А.В. Левченкова (2005) и др.

Вместе с тем, несмотря на увеличивающееся за последнее время число публикаций по сельскому расселению, вопросам динамики в них уделяется недостаточное внимание. Как правило, целью этих работ является определение основных направлений и перспектив развития сельского расселения выбранного района, но при этом недостаточно вскрываются причинные связи наблюдаемых изменений или попытки такого анализа вообще отсутствуют.

Отдавая должное всем работам, посвященным проблемам расселения, нельзя не отметить, что необходим дальнейший анализ, на основе современных материалов, глубоких причинных взаимосвязей систем расселения со средой, в которых они функционируют. Изменения в сельском расселении изучены недостаточно: не выявлены закономерности и не раскрыты механизмы

эволюции расселения, не ясна картина современного расселения, степень ее стабильности, изменчивости в новой среде и траектория будущего развития.

Очевидным является то, что сельское расселение является наиболее уязвимой формой территориальной организации населения. Достаточно сказать, что только с 1920 по 1978 гг. абсолютная численность сельского населения бывшего СССР сократилось на 17 млн. человек. За 60 лет (1920-1980гг.) в города страны переселилось не менее 100 млн. человек (с учетом прироста сельских жителей и административных преобразований сел в городские поселения). Процессы «сжатия» сельского расселения продолжаются и в настоящее время, то ускоряясь, то затухая, но всегда имеют планетарный характер. И, что особенно важно, сопровождаются нарастанием разрыва в качестве жизни сельского населения в сравнении с городским, сокращением не только числа сельских жителей, но и качественной структуры их. Происходит интенсивное вымывание из сел, особенно мелких, наиболее молодых, энергичных возрастных контингентов, повышение удельного веса пожилых в составе сельских жителей, снижение уровня социальной и экономической составляющих качества жизни селян. Это вызывает острую потребность в проведении научного поиска мер, способных сохранить село, как базовую опору сельскохозяйственного производства с одновременным устранением (или, по крайней мере, сокращением), факторов, «выдавливающих» наиболее производительную часть сельских тружеников в города.

Поэтому комплексное изучение региональных проблем, сегодня не просто актуально, с точки зрения науки, но, прежде всего своей практической составляющей и должно стать теоретической основой разработки государственных и региональных целевых программ социально-экономического развития сельской местности и формирования социальной политики развития современного общества.

Основываясь на итогах переписи 2002 года, а также материалах переписей 1970, 1979, 1989 гг., мы провели анализ структуры и динамики сельского расселения Оренбургской области, а также факторов, его определяющих. Особый интерес в этом плане вызывает фактор нового российского пограничья, то, какие пространственные процессы вызывает государственная граница, практически одномоментно «рассекшая» непрерывную социальную и хозяйственную ткань территории.

Так, в сельской местности Оренбургской области в 2002 году проживало 919,4 тыс. человек, или 42% всего населения области. За период с 1970 по 2002 гг. численность сельского населения сократилась на 4 процента. При этом аналогичный показатель для приграничной зоны напротив вырос на те же 4 процента. Интересно отметить, что численность сельского населения в приграничье на протяжении 70-х и 80-х годов также сокращалась и выросла также, как и в целом по области, лишь в период между последними переписями, как раз тогда, когда межреспубликанская граница внутри единого СССР превратилась в межгосударственную. Этот рост был связан с масштабными внешними миграциями из государств Центральной Азии и, в первую очередь, из Казахстана в 90-е годы. Интенсивность миграционного

притока в сельской местности была наивысшей вблизи границы, с российской ее стороны и с удалением вглубь территории снижалась.

Плотность сельского населения области на протяжении 70-х и 80-х годов уменьшалась (в 1970 г. этот показатель был равен 7,8 чел., в 1979 г. – 6,7 чел., в 1989 г. – 6,2 чел. на 1 км²), а по данным переписи 2002 г. этот показатель увеличился и составил 7,4 чел на 1 км². Что касается приграничных районов, то здесь плотность сельского населения также сокращалась в 70-е и 80-е годы, а в период между переписями 1989 и 2002 гг. – возросла. Однако, необходимо отметить, что в наибольшей степени этот рост плотности был связан с преобразованием в 1998-2001 гг. 22-х из 25 поселков городского типа области в категорию сельских населенных пунктов. Большая часть из них относится к категории крупных и средних.

В 2002 г. сельское население Оренбургской области проживало в 1742 поселениях, а в 1970 г. – в 2595 поселениях, то есть за данный период количество населенных пунктов сократилось на 33%. Густота поселений уменьшилась за данный период с 2,0 до 1,4 поселений на 100 км². Аналогичная картина складывается и в приграничных районах – количество сельских населенных пунктов сократилось на 32%. Таким образом, при относительно стабильной численности сельского населения наблюдается масштабное сокращение количества сельских населенных пунктов. В результате происходит укрупнение их средних размеров. В этом отношении система расселения Оренбургской области отражает общую для России закономерность концентрации населения во все более крупных и жизнеспособных поселениях с более развитой социальной инфраструктурой.

Средняя людность сельского поселения в приграничных районах при этом росла существенно быстрее, чем в среднем по области. Так, по области этот показатель за период 1970-2002 гг. увеличился на 43%, а в пограничье средняя людность за указанный период увеличилась на 78%. Этот же показатель, рассчитанный без учета поселков городского типа, переведенных в 1998-2001 гг. в категорию сельских населенных пунктов этот показатель составил 25 и 57% соответственно. В результате, если в 1970 г. средняя людность поселения в приграничье уступала средней по области, то в 2002 г. она существенно ее превысила. Этот, неожиданный на первый взгляд, результат можно объяснить тем, что темп роста средних размеров поселения определяется уровнем миграционной подвижности населения: чем она выше, тем быстрее протекает процесс укрупнения сельских населенных пунктов.

Изменение соотношения мелких, средних и крупных сельских поселений и числа жителей, проживающих в них, за весь рассматриваемый период и в отдельные межпереписные периоды было весьма существенным. Устойчивый и значительный рост на протяжении всего периода времени был характерен для наиболее крупных сельских поселений, численностью более 1000 и, особенно, - более 5000 жителей.

В межпереписной период 1970-1979 гг. существенно сократилась доля мелких (менее 50 жителей) поселений, что можно объяснить последствиями проводившейся в СССР политики сселения неперспективных населенных

пунктов, а также оптимизацией сети поселений в послецелинный период. Последняя причина объясняет тот факт, что в пограничье, которое охватывает большую часть целинных земель, это сокращение было особенно выраженным (более, чем в два раза). После 1979 г. доля мелких населенных пунктов стабилизировалась и даже начала расти. Устойчиво сокращается доля средних поселений и численности проживающего в них населения. Недостаточный доступ жителей этих населенных пунктов к объектам социальной инфраструктуры (школам, медицинским и культурно-просветительным учреждениям, объектам торговли) стимулирует этот процесс. Происходящее на территории области сокращение сети общеобразовательных учреждений, вероятно, ускорит этот процесс.

Проведенный анализ динамики сельского расселения Оренбургской области помог сделать определенные выводы. Необходимо отметить, что сельское расселение нашего региона отличается достаточной динамичностью. В настоящее время в сети населенных пунктов происходят значительные изменения: при относительно стабильной численности сельского населения наблюдается масштабное сокращение количества сельских населенных пунктов, особенно мелких с численностью до 50 чел. В то же время отмечается рост крупных и крупнейших поселений области и приграничья, причем увеличение среднего размера населенных пунктов в приграничных районах происходит более интенсивно. В этом отношении система сельского расселения Оренбургской области отражает общую для России закономерность концентрации населения во все более крупных и жизнеспособных поселениях с более развитой социальной инфраструктурой.

Неожиданным результатом анализа оказалась выявленная нами большая устойчивость и жизнеспособность системы расселения в пограничье по сравнению с положением в области в целом. Мы уже указали на некоторый рост сельского населения в этой зоне. Помимо этого доля растущих и стабильных по численности населения поселений устойчиво выше. Так, в межпереписной период 1989-2002 гг. доля таких поселений в области в целом составила 51,3 процента, а в пограничье – 57,3 процента. За весь рассматриваемый период с 1970 по 2002 г. эти доли составили соответственно 15,6 и 18,8 процента. Одной из причин этого, вероятно, является то, что система расселения пограничья, охватывающая, главным образом, восточное Оренбуржье, является более крупноселенной. Здесь выше доля крупных и средних поселений.

Юрина С.В. Влияние циркуляционных условий на аномалии температуры воздуха и количество осадков

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Температура воздуха и количество выпадающих атмосферных осадков являются наиболее яркими характеристиками климата. Они подвержены значительным колебаниям, как в течение года, так и год от года. Средние многолетние значения температуры приземного воздуха по месяцам и суммы осадков выпадающих за год в городе Оренбурге отображены на графиках (рисунок 1 а и б). Рассматриваемые величины характеризуют общие черты термического режима и увлажнения и, тем не менее, нельзя не отметить, что в отдельные годы они испытывают резкие отклонения от среднемноголетних значений. Так, при среднемноголетней температуре воздуха $+3,8^{\circ}\text{C}$, в Оренбурге наблюдались экстремально низкие среднегодовые значения (1945г., 1969г.) и экстремально высокие – до $+6,2^{\circ}\text{C}$ (1925г.) и даже до $+7,0^{\circ}\text{C}$ (1995г.). Указанные отклонения температур от среднемноголетнего значения может быть вызвано либо положительной зимней аномалией, либо отрицательной летней.

Изучению структуры и условий формирования указанных изменений метеоэлементов посвящено много исследований (Кац, 1974; Неушкин, 1974; Тудрий, 1986; Борисов, 1975 и др.). Известно, что непериодические колебания температуры воздуха и атмосферных осадков связаны с циркуляционными процессами. Для анализа крупных аномалий рассматривают изменение типов атмосферных циркуляций. Выделяют три основных типа циркуляции: западная (или зональная), меридиональная и восточная (обозначают W, C, E соответственно).

Рассмотрим влияние смены типа циркуляции на аномалии рассматриваемых метеопараметров для г.Оренбурга. При зональном типе наблюдается хорошо выраженный западный перенос воздушных масс, при котором с Атлантики перемещаются довольно быстро циклоны и антициклоны. При этом вторжение холодного воздуха в тылу циклона непродолжительно. С циклонами связано увеличение атмосферных осадков зимой и летом, а также положительные аномалии зимних температур и снижение летних. Данный тип циркуляции устойчиво наблюдался в 1940-е гг. прошлого века. Указанная закономерность подтверждается анализом приводимых ниже графиков.

При меридиональном типе циркуляции наблюдаются интенсивные малоподвижные циклоны и антициклоны, расположенные близко друг к другу и на приземных картах их очерчивают меридионально вытянутые изобары. Это холодные циклоны и теплые так называемые блокирующие антициклоны. Они простираются до больших высот. При данном типе циркуляции нарушается западный перенос воздуха и, как следствие, между высокими и низкими широтами происходит гораздо более интенсивный обмен воздуха, т.е. наблюдаются глубокие вторжения тепла на север в околополярные районы и

холода – в тропики. С меридиональным типом циркуляции связаны чрезвычайно резкие изменения температуры воздуха, особенно летом.

Восточный тип циркуляции наблюдается в основном в связи с процессами блокирования, т.е. когда над территорией формируется малоподвижный антициклон или его гребень. Процессы блокирования впервые были открыты и детально описаны Р.Шерхагом в 1952г., но до сих пор недостаточно изучены, особенно причины их возникновения (Матвеев, 1976, стр.287-290; Груза и др., 1991, 2003 и др.). Исследователи связывают возникновение блокирующих западный перенос антициклонов со стратосферными потеплениями, а их, в свою очередь с активизацией процессов в определенном секторе Солнца. Блокирующие антициклоны способны перемещаться вопреки закономерностям, т.е. не с запада на восток, а в обратном направлении и не разрушаться продолжительный период - от месяца до сезона.

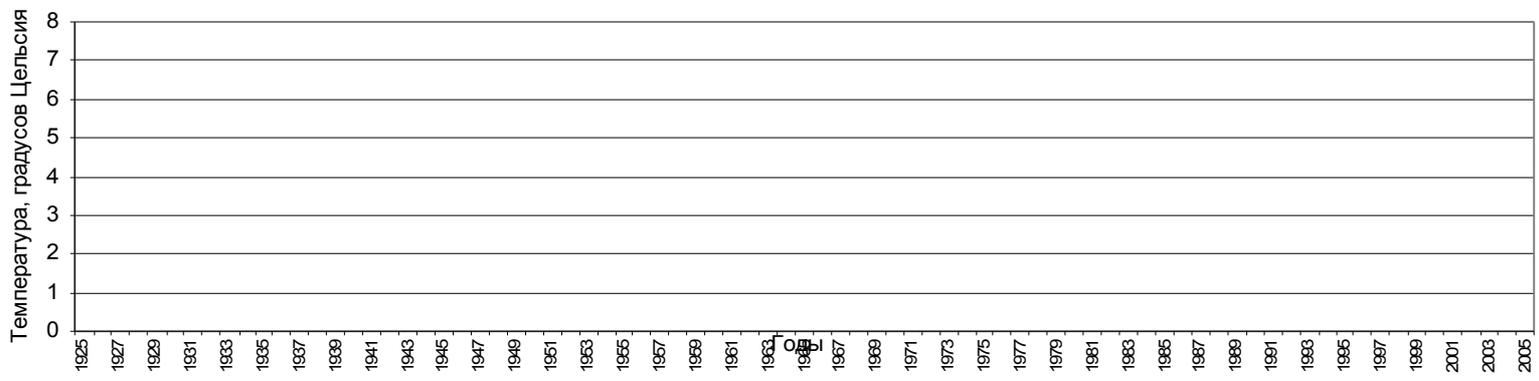
При данном типе циркуляции для района Оренбурга является важным, находится ли он под «покровительством» центра или периферии антициклона и если периферии, то какой. В первом случае в погоде характерны летние засухи и суховеи, весенние утренние возвраты холодов – «заморозки», а зимой – сильные морозы при полном безветрии. Если же город располагается на восточной периферии, то наблюдается ещё более резкое понижение температур в связи с затоком с Арктики холодного воздуха, если же город находится на западной периферии, в погоде отмечается подъём температуры, так как по этой части антициклона осуществляется заток теплого воздуха с южных регионов.

Если средний баланс повторяемости за год типов циркуляции (по Борисову, 1975) нарушается (W-40%, С-26%, Е-34%) в ту или иную сторону, то происходит смена знака аномалий температуры воздуха и осадков.

Список использованной литературы

1. База данных по температуре и осадкам от ВНИИГМИ-МЦД / Источник: www.meteo.ru
2. Груза Г.В., Коровкина Л.В. Климатический мониторинг процессов блокирования западного переноса в Северном полушарии //Метеорология и гидрология, 1991, №8. С.11-17.
3. Груза Г.В., Ранькова Э.Я. и др. Статистический анализ сезонных индексов блокирования в Северном полушарии /Труды ВНИИГМИ-МЦД. 2003. Вып.171. С.127-150.
4. Матвеев Л.Т. Курс общей метеорологии. Физика атмосферы. -Л.: Гидрометеиздат, 1976. С.287-290.

а)

б)

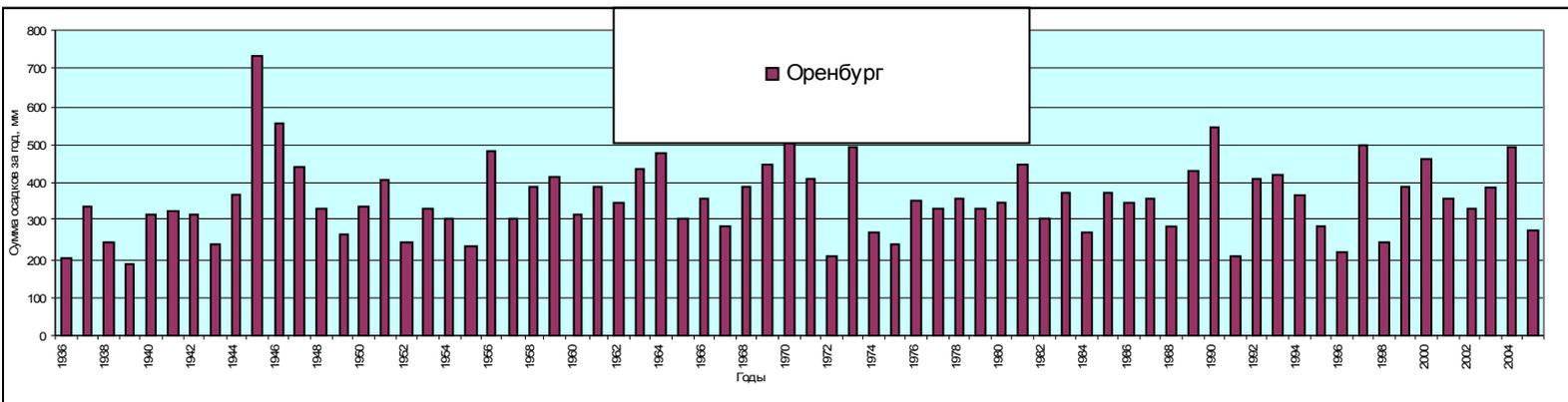

Рисунок 1 Графики среднегодовая температура приземного слоя воздуха (а) и годовая сумма осадков (б) для г.Оренбурга за период с 1925 по 2005гг.